

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национальный исследовательский университет)
Институт лингвистики и международных коммуникаций
Кафедра лингвистики и перевода

РАБОТА ПРОВЕРЕНА
Рецензент, заведующий кафедрой
канд. филол. н., доцент
_____ /Н.Е. Кунина/

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
Заведующий кафедрой,
д.филол.н., доцент
_____ /Т.Н. Хомутова/

**ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ОСОБЕННОСТИ
ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО
ЯЗЫКОВ)**

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЮУрГУ – 45.04.01.2018.168.ВКР

Руководитель, д.филол.н., доцент,
_____ /Т.Н. Хомутова/
« ____ » _____ 2018 г.

Автор
студент группы ЛМ-235
_____ /К.А. Наумова /
« ____ » _____ 2018 г.

Нормоконтролер,
к.филол.н., доцент
_____ /О.И. Бабина/
« ____ » _____ 2018 г.

Работа защищена с оценкой

« ____ » _____ 2018 г.

Челябинск
2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Глава 1 Теоретические основы исследования военно-политического дискурса США.....	10
1.1 Определение дискурса.....	11
1.2 Характеристика дискурса. Типы дискурса.....	15
1.3 Военно-политический дискурс как особый тип дискурса.....	20
1.4 Дискурс-анализ как научное направление.....	29
1.5 Критический дискурс-анализ и его цели.....	33
Выводы по главе 1.....	38
Глава 2 Практические аспекты исследования военно-политического дискурса США.....	41
2.1 Экстралингвистический контекст обращения Джорджа Буша- младшего к нации 17 марта 2003 года.....	41
2.2 Анализ параллельных текстов обращения Джорджа Буша-младшего к нации с учетом принципов КДА.....	43
2.3 Анализ параллельных текстов обращения Барака Обамы к нации с учетом принципов КДА.....	56
2.4 Сравнительно-сопоставительный анализ параллельных текстов выступлений Джорджа Буша-младшего и Барака Обамы.....	65
2.5 Анализ корпуса текстов, посвященных кампании 2003 г.....	68
2.6 Анализ корпуса текстов, посвященных ближневосточной политике Барака Обамы (2011 – 2015 гг.).....	83
2.7 Сравнительно-сопоставительный анализ корпусов текстов по кампании 2003 года и 2011 года.....	91
Выводы по главе 2.....	98
Заключение.....	102
Библиографический список.....	106

Электронные ресурсы.....	109
Приложение 1	119
Приложение 2	126

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении истории человечества отношение к войне менялось неоднократно. Времена, когда военные столкновения выступали частью повседневности, остались далеко позади с тех пор, как любая цивилизованная война была подчинена нормам международного права. Инициировать военную кампанию – значит прослыть агрессором, что автоматически ведет к утрате репутации на международной арене и влечет многочисленные санкции со стороны других ее игроков. В XXI веке страх войны достиг своего апогея: наступил период, когда, чтобы говорить о войне, необходимо избегать самого понятия войны, что, в свою очередь, привело к трансформации средств ведения войны.

Сегодня война – зачастую не вопрос модернизации вооружения, но дилемма подбора правильных слов, оправдывающих действия инициатора и делающих благородными его мотивы. Ни одна война невозможна без широкой поддержки населения, но политики неизменно заручаются этой поддержкой, находя ключи к сердцам слушателей. Таким образом, на первый план выходит понятие информационной войны, нацеленной на формирование общественного мнения и навязывающей необходимость тех или иных действий простому народу.

Теперь, когда война предваряется не полем боя, а полем дебатов, она становится делом лингвистов и спичрайтеров, помогающих политикам в достижении их целей. В связи с этим особый интерес для исследователя представляет военно-политический дискурс как инструмент формирования общественного мнения для достижения заданных политических целей.

Как ни прискорбно, но при общем негативном отношении к войне число вооруженных конфликтов не снижается, а лишь увеличивается год от года, предоставляя в распоряжение исследователя большой объем ранее неизученных материалов в виде выступлений высокопоставленных

чиновников, а также рассекреченных внутренних документов, способных пролить свет на истинные мотивы той или иной акции.

В связи с вышесказанным, актуальность данного исследования объясняется недостаточной изученностью военно-политического дискурса, его особенностей и их передачи при переводе в рамках современного критического дискурс-анализа.

Поиск решения указанных проблем позволяет нам сформулировать гипотезу исследования, согласно которой, дискурс-анализ, в частности критический дискурс-анализ, позволит определить военно-политический дискурс как особый тип дискурса и выделить функциональные и стилистические особенности ВПД, которые раскрываются через дискурс доминирования.

На данный момент ближневосточный вопрос является одним из самых обсуждаемых среди специалистов-международников, что также повышает актуальность данного исследования. Изучение функциональных и стилистических особенностей военно-политического дискурса США позволит расширить имеющиеся представления о создании текстов военно-политической тематики и их последующем переводе. Отдельное внимание мы уделим реализации военно-политического дискурса США в переводе на русский язык, что позволит не только выделить основные приемы перевода, но и составить представление о степени ангажированности перевода военно-политических текстов.

Объектом данного исследования служат тексты выступлений высокопоставленных политиков США, посвященные военным кампаниям на Ближнем Востоке, а также сопутствующие им интервью и новостные сообщения, опубликованные в проправительственных средствах массовой информации.

Исходя из вышесказанного, предметом исследования являются стилистические и функциональные особенности военно-политического

дискурса США, а также приемы, используемые для перевода текстов военно-политической тематики на русский язык.

Цель данной работы - выявить основные особенности военно-политических текстов, а также приемы, используемые при их переводе для сохранения присущих текстам подобного рода стилистических особенностей.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Рассмотреть понятие дискурса в современной лингвистике, изучить существующие классификации типов дискурса;

2. На основе имеющихся достижений и теоретической базы в области дискурсивных исследований уточнить определение военно-политического дискурса, отвечающее концепции данной работы, а также дать характеристику военно-политическому дискурсу;

3. Рассмотреть понятие дискурс-анализа и, в частности, критического дискурс-анализа, изучить принципы осуществления критического дискурс-анализа для его последующего применения в практической части работы;

4. Проанализировать параллельные тексты ВПД США и выделить основные приемы перевода текстов ВПД;

5. Собрать корпус текстов на английском языке, посвященных следующим военным кампаниям США:

операция «Иракская свобода» (20 марта 2003 – 1 мая 2003);

интервенция в Сирию (2011 – 2015 гг.);

6. На основе собранного корпуса текстов выделить основные компоненты ВПД США, а также их особенности;

7. Провести сравнительный анализ полученных данных в диахроническом аспекте с целью выявления зависимости стилистики текста и использования компонентов ВПД от исторической ситуации.

В основе данной работы лежат методы, применяемые в дискурсивном, в частности, в критическом дискурс-анализе и сравнительно-сопоставительном

анализе, а также лингвокультурологический, семасиологический, корпусный, метод количественных подсчетов и другие методы, которые соответствуют решению поставленных задач.

Теоретическая база исследования включает в себя работы известных российских и зарубежных лингвистов в области дискурс-анализа и перевода, в частности, мы можем выделить следующих авторов: Алёшина Е.Ю., Бархударов Л.С., Дейк Т.А., Карасик В.И., Кубрякова Е.С., Хомутова Т.Н., Чернявская В.Е., Чудинов А.П., Майклс Дж.

Материал исследования составляют тексты выступлений президентов США – Джорджа Буша-младшего и Барака Обамы, а также членов их администраций, опубликованные на архивных сайтах Белого Дома. В корпус текстов также войдут новостные статьи проправительственного толка, ссылка на которые приводится на сайте Белого Дома. Примерный объем исследуемых корпусов текстов составит сто тысяч словоупотреблений.

Научная новизна работы заключается в использовании дискурс-анализа (в частности, критического дискурс-анализа, одним из родоначальников которого выступает Т. ван Дейк) и сравнительно-сопоставительного метода на материале ранее не рассматриваемых в рамках одной работы документов, посвященных ближневосточным кампаниям США 2003, 2011-2015 годов.

Подборка вышеуказанных военных кампаний США представляется наиболее удачной в связи с некоторым историческим сходством операций, что позволяет повысить степень объективности подобного сравнения и проследить изменения военно-политического дискурса США в схожих исторических условиях. Исследование компонентов ВПД в диахроническом аспекте также представляет новизну данного исследования и позволяет рассматривать лингвистические аспекты военно-политического дискурса США в неразрывной связи с экстралингвистическими факторами, а также проследить их зависимость друг от друга.

Теоретическая значимость работы объясняется её междисциплинарным характером, так как она представляет интерес, как для лингвистов, так и для специалистов в области исследования международных отношений. Полученные данные могут послужить дальнейшей основой для изучения явления военно-политического дискурса, его функциональных и стилистических особенностей.

Практическая значимость работы заключается в возможности ее использования в рамках преподавания курсов дискурс-анализа, практического перевода, межкультурной коммуникации, стилистики и прочих дисциплин студентам-лингвистам, а также студентам-международникам. Работа также будет полезна для переводчиков текстов военно-политической направленности.

Данное исследование состоит из введения, двух глав (теоретической и практической), включающих 12 пунктов (5 в теоретической главе и 7 в практической), и заключения.

По результатам теоретического исследования совместно с научным руководителем была опубликована статья «Военно-политический дискурс как особый тип дискурса» (Т.Н. Хомутова, К.А. Наумова, Вестник Южно-Уральского Государственного Университета, Серия «Лингвистика»).

Результаты практического исследования были представлены в виде доклада на конференции «Гуманитарные чтения РГГУ – 2018», Российский Государственный Гуманитарный Институт, г. Москва.

ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА США

Понятие дискурса на сегодняшний день является одним из самых обсуждаемых в лингвистике и по своей популярности может сравниться только с понятием концепта. Несмотря на то, что исследование дискурса – относительно молодая область лингвистики, первые серьезные работы по смежной тематике появились еще в первой половине 20-ого века и во многом связаны с такими историческими событиями, как приход к власти Гитлера в 1933 году и начало Второй Мировой войны.

Беспрецедентная победа НСДАП и дальнейшее влияние личности Гитлера на ход мировой истории привели к всплеску исследовательского интереса к процессу политической коммуникации, который впоследствии лишь подогревался событиями Холодной войны и резким возрастанием числа международных конфликтов в конце 20-ого века.

Первые исследования политической коммуникации затрагивали такие явления, как электоральное поведение [Lazarsfeld, 1948] или влияние средств массовой информации на сознание индивида [Novland, 1951], но проводились они, в большинстве своем, в рамках социологических исследований, а также исследований в области политологии и психологии.

Начиная с 70-ых годов, которые ознаменовались ростом числа СМИ, упрощением доступа к информации и все большим вовлечением индивида в политическую жизнь, исследования политической коммуникации постепенно перетекали в область лингвистики, что проявилось в возникновении такого направления как дискурс-анализ, которое на данный момент насчитывает множество научных школ.

Несмотря на повышенное внимание к вопросам дискурса, единого определения для данного понятия так и не было выработано, и акценты смещаются в зависимости от целей конкретных исследователей.

1.1 Определение дискурса

Отсутствие единого определения понятия «дискурс» отчасти обусловлено его междисциплинарным характером и активным использованием в различных областях науки. Однако и в рамках лингвистики определение дискурса не имеет четко очерченных контуров и зачастую отождествляется с такими понятиями, как «текст», «речь» или «диалог».

Так В.А. Звегинцев в своей работе «Предложение и его отношение к языку и речи» называет дискурсом уровень языка выше предложения, хотя, по его словам, «дискурс может состоять и из одного предложения при условии, что он будет обладать всеми признаками, которыми обладают два или несколько предложений, находящихся в смысловой связи и образующих эксплицитный дискурс» [Звегинцев, 1976, с. 170]. При этом стоит отметить, что в качестве синонима к понятию «дискурс» Звегинцев употребляет понятие «связная речь», что указывает на определенную общность с англоамериканской лингвистической традицией, в которой под дискурсом понимается так называемая «connected speech» (связная речь).

Другой отечественный исследователь, В.Е. Чернявская, подчеркивает, что для англоамериканского понимания дискурса характерно его отождествление с диалогом, а сам дискурсивный анализ «направлен прежде всего на устную коммуникацию, на интерактивное взаимодействие говорящего и слушающего» [Чернявская, 2012, с. 66]. Эту идею подтверждает в своей статье Е.С. Кубрякова, которая пишет о том, что первое время термин «дискурс» в англоязычной литературе «явно выступал в значении «речевая деятельность» или же – еще шире – «коммуникативная деятельность» [Кубрякова, 2000, с. 6]. Уже на примере приведенных выше высказываний мы можем заметить определенные внутренние противоречия, которые содержит в себе попытка создания единого определения дискурса.

В связи с этим отдельного внимания, по нашему мнению, заслуживает статья швейцарского лингвиста – Патрика Серио, который попытался раскрыть все многообразие значений, приписываемых понятию дискурс [Серио, 1999, с. 26–27], в частности:

1. Любое конкретное высказывание, эквивалент понятия «речь»;
2. Единица, превосходящая фразу;
3. Воздействие высказывания на его получателя;
4. Беседа как основной тип высказывания;
5. Речь с позиции говорящего в противоположность повествованию (по Э. Бенвенисту);
6. Употребление единиц языка, их речевая актуализация;
7. Социально или идеологически ограниченный тип высказываний;
8. Теоретический конструкт, предназначенный для исследования условий производства текста.

Как мы можем видеть, определения, приведенные в работе П. Серио, вполне сопоставимы с предположением Чернявской об ориентации англоязычного (а, возможно, и всего западного) направления исследования дискурса на устную коммуникацию: из данного списка большая часть определений так или иначе связана непосредственно с процессом говорения. Так, например, исследователь Джеффри Майклс в своей работе «The Discourse Trap and the US Military» отождествляет дискурс и речь. По мнению ученого, дискурс – не что иное, как язык, который используют акторы для обсуждения определенных понятий с наделением их определенными значениями. Майклс утверждает, что именно дискурс наделяет терминологию значениями, а, в свою очередь, терминология обретает себя исключительно в рамках дискурса [Michaels, 2013, с. 2–3].

Стоит отметить, что в отечественное языкознание понятие дискурс пришло несколько позже, постепенно вытесняя более привычный анализ текста. Мы смеем выдвинуть предположение, что западная практика

ориентации на устную коммуникацию обусловлена давней традицией публичных политических выступлений, не характерных как для Российской Империи, так и для Советской России, в которых политическая жизнь носила довольно закрытый характер и зачастую не подразумевала обратной связи от населения. Так, Е.О. Опарина отмечает, что политический язык периода СССР носил характер ритуального, поэтому его нельзя в полной мере отождествлять с дискурсом [Опарина, 2002, с. 20].

Тем не менее, как отмечает все та же Чернявская, «начальным этапом в дискурсивном анализе всегда является уровень конкретной языковой реализации дискурсивного содержания, т.е. уровень текста» [Чернявская, 2012, с. 75], поэтому, с исследовательской точки зрения, было бы неправильно ограничиваться исключительно устной коммуникацией, умаляя при этом значимость письменных текстов для анализа дискурса. В поддержку данной точки зрения можно привести слова одного из основателей дискурс-анализа – Т.А. ван Дейка, который утверждал, что «результаты исследований дискурса в области таких различных дисциплин, как теория речевой коммуникации, когнитивная психология, социальная психология и этнография показали, что дискурс не является лишь изолированной текстовой или диалогической структурой» [Дейк, 1989, с. 113]. Таким образом, Т.А. ван Дейк подразумевал, что дискурс - не что иное, как текст в социокультурном контексте. Так, в своей статье «War rhetoric of a little ally» Т.А. ван Дейк указывает, что политический дискурс и его характеристики не должны рассматриваться исключительно как текст, но как выражение политического сознания и политических действий в политическом процессе [Dijk, 2005, с. 66]. Анализ политического дискурса не должен ограничиваться структурными особенностями текста и разговора, но также учитывать их условия и функции в политическом процессе.

Похожей точки зрения придерживается и отечественный исследователь вопросов политического дискурс-анализа – Михаил Васильевич Ильин,

который в своей статье «Политический дискурс как предмет анализа» утверждает, что тексты, высказывания и речевые акты являются лишь составляющими дискурса, при этом в качестве смыслообразующих факторов М.В. Ильин выделяет «волевые интенции и действия», которые не всегда выражены словами [Ильин, 2002, с. 12]. По мнению исследователя, все, что так или иначе связано с политикой как с осмысленным взаимодействием ради достижения поставленной цели, становится общением, коммуникацией и своеобразным языком, который, тем не менее, отличается от естественного языка, однако при интерпретации дискурса как целого мы не можем довольствоваться только языковыми моментами, иначе «суть и цель политического дискурса пройдут незамеченными» [Ильин, 2002, с. 13].

В свою очередь, еще один отечественный исследователь политического дискурса – Елена Олеговна Опарина – в своей статье «Метафора в политическом дискурсе» предпочитает трактовать понятие дискурс как совокупность текстов, при этом данные тексты создаются непосредственно в целях коммуникации и являются актуализацией речевой практики [Опарина, 2002, с. 20]. Таким образом, исследователь предпринимает попытку найти компромисс между традицией анализа текстов, принятой в отечественной лингвистике, и коммуникативной (диалогической) составляющей дискурса, характерной для западной лингвистики.

К числу отечественных лингвистов, интерпретирующих дискурс как текст, можно отнести Валерия Закиевича Демьянкова, который в статье «Политический дискурс как предмет политологической филологии» утверждает, что «дискурсом называют текст в его становлении перед мысленным взором интерпретатора» [Демьянков, 2002, с. 32]. Несмотря на явную ориентацию на текст, данный исследователь также приходит к выводу, что для понимания дискурса в целом необходимо обладать фоновыми знаниями, иметь представление об ожиданиях целевой аудитории, а также мотивах, характерных для данной эпохи. Таким образом, мы снова

возвращаемся к концепции, сформулированной Т.А. ван Дейком, согласно которой дискурс предстает как текст в социокультурном контексте.

Учитывая вышесказанное, мы не хотели бы ставить знак равенства между понятиями «текст» и «дискурс» или представлять их в качестве изолированных лингвистических явлений. В данном случае нам импонирует компромиссное решение, сформулированное в статье Т.Н. Хомутовой, которая придерживается точки зрения, что текст и дискурс – различные аспекты коммуникативного процесса, при этом под дискурсом подразумевается отдельный акт речевой коммуникации, а под текстом – «произведение акта речевой коммуникации в единстве его языковых, деятельностных и прочих свойств». Таким образом, можно прийти к выводу, что текст – это одна из составляющих дискурса, при этом непосредственно текст и дискурс являются предметно-знаковым и деятельностным аспектом коммуникации соответственно [Хомутова, 2014, с. 16].

Подобная точка зрения прекрасно укладывается в концепцию практической части данного исследования, так как корпус текстов, собранный с целью последующего дискурс-анализа, включает в себя транскрипции выступлений первых лиц США, а также статьи, опубликованные в СМИ, что способствует всестороннему рассмотрению такого явления как военно-политический дискурс США.

1.2 Характеристика дискурса. Типы дискурса

Многообразие определений, представленных в предыдущем пункте, а также междисциплинарный характер самого понятия «дискурс» затрудняют вопрос его характеристики и классификации его типов, однако и в этой сфере отечественными и зарубежными учеными были предприняты многочисленные попытки по разработке теоретической базы в исследовании дискурса.

В.И. Герасимов и уже упомянутый М.В. Ильин выделяют следующие характеристики, присущие дискурсу как явлению [Герасимов, 2002, с. 62]:

1. Комплексность, которая проявляется в единстве языковой формы, значения и действия;
2. Субъективность – полная зависимость дискурса от говорящего, отражение в дискурсе его психологии;
3. Когнитивность – непосредственная связь дискурса с передачей, обработкой и выработкой знаний.

Вполне уместным кажется предположение о том, что каждая из этих характеристик присуща в разной степени тому или иному типу дискурса. Так, по нашему мнению, для военно-политического дискурса наиболее актуальна такая характеристика как субъективность, так как решения, принятые в высших политических и военных кругах, зачастую отражают личную позицию и мнение отдельных людей, а основная цель выступающего – убедить аудиторию в верности принятых решений. Таким образом, можно утверждать, что дискурс подвержен влиянию индивидуальных взглядов и убеждений, и в то же время взгляды и убеждения формируются под влиянием дискурса.

Учитывая вышесказанное, достаточно логичным выглядит предположение о том, что в меньшей степени для военно-политического дискурса характерен когнитивный аспект в том виде, в котором он представлен в трактовке Герасимова и Ильина, так как зачастую большая часть информации, связанная с военными действиями, имеет закрытый характер, что ограничивает передачу и обработку знаний. Таким образом, когнитивный аспект военно-политического дискурса напрямую зависит от субъективного аспекта и, соответственно, от личности говорящего.

Что касается комплексности дискурса, то, пожалуй, это одна из наиболее универсальных его характеристик, затрагивающая в равной степени дискурс любого типа.

Рассматривая различные характеристики дискурса, следует упомянуть статью отечественного исследователя – Ольги Анатольевны Толпыгиной,

посвященную дискурс-анализу. Автор статьи утверждает, что в широком смысле дискурс принято рассматривать как фрагмент действительности, обладающий временной протяженностью, логикой развертывания и собственной организацией смыслов [Толпыгина, 2002, с. 75]. В связи с вышесказанным, представители ученой среды, разделяющие данную точку зрения, выделяют два аспекта дискурса:

1. Дискурс-рамка или так называемая порождающая система – зачастую для характеристики дискурс-рамки используют такие общие термины, как «язык» и «идеология»;

2. Конкретный дискурс – в данном случае речь идет уже об отдельном произведении, обладающим собственным сюжетом (пр.: дискурс президента Буша-Младшего во время ближневосточной кампании 2003 г.).

Анализируя характеристики, присущие дискурсу, мы не можем обойти стороной вопрос его классификации. На настоящий момент выработано множество классификаций типов дискурса, имеющих под собой различное основание.

Одной из наиболее известных классификаций типов дискурса, разработанных отечественными исследователями, является классификация В.И. Карасика, представленная в его работе «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» [Карасик, 2002, с. 200-208], в которой В.И. Карасик предлагает подразделять дискурс на личностный и институциональный в зависимости от статусно-ролевых характеристик участников общения. В свою очередь, институциональный тип дискурса включает в себя политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный типы дискурсов, при этом основными, системообразующими признаками институционального дискурса являются его цели и участники общения. По мнению В.И. Карасика, «дискурс

представляет собой образование, построенное по определенным канонам в соответствии с целями и обстоятельствами общения, и степень каноничности дискурса и является основанием для его типизации» [Карасик, 2002, с. 204].

Стоит отметить, что ученый не выделяет военно-политический тип дискурса в отдельную категорию в рамках разработанной им классификации. Тем не менее, В.И. Карасик достаточно подробно останавливается на характеристике политического дискурса, отмечая большое количество научных трудов, посвященных данной тематике, среди которых автор выделяет работу Е.И. Шейгал «Семиотика политического дискурса» [Шейгал, 2000].

Вслед за зарубежными коллегами Е.И. Шейгал отмечает в своей работе, что политика – не что иное, как совокупность речевых действий, при этом в качестве основного мотива политической коммуникации автор придерживается традиционного определения политики как борьбы за власть, в рамках которой можно наблюдать следующие модели смещения прагматического фокуса: аморальное действие – благородный мотив, неблагоприятные последствия – уважительная причина; принуждение – свободный выбор, насильственность – естественный ход событий и т.д.

Опираясь на схожие представления о прагматической функции политического дискурса, Е.Ю. Алешина в своей работе «Публичный политический дискурс конфликтной ситуации» приводит следующую классификацию политического дискурса [Алешина, 2015, с. 79–123]:

1. Информационный и информационно-убеждающий публичный политический дискурс конфликтной ситуации;
2. Убеждающий публичный политический дискурс конфликтной ситуации;
3. Призывный публичный политический дискурс конфликтной ситуации;
4. Публичный политический дискурс оправдания и покаяния в конфликтной ситуации.

Данная классификация импонирует нам с исследовательской точки зрения, так как отражает функциональные и прагматические особенности политического дискурса, являясь при этом достаточно универсальной и удобной для применения в отношении различных типов дискурса. Если мы попытаемся соединить две данные классификации, то перед нами выстроится достаточно стройная логическая картина: так, для смещения прагматического фокуса с аморального действия в плоскость благородного мотива, скорее всего, политик прибегнет к публичному политическому дискурсу оправдания и покаяния в конфликтной ситуации, для категорий «принуждение – свободный выбор» характерен призывный публичный политический дискурс, пара «насильственность – естественный ход событий» реализуется в убеждающем публичном политическом дискурсе и т.д.

В свою очередь, существует еще ряд классификаций различных типов дискурса, заслуживающих отдельного упоминания. Так, например, Т. ван Дейк предлагает подразделять дискурс в соответствии со следующими уровнями:

1. Речевое общение – данный уровень подразумевает под собой повседневную коммуникацию;
2. Официальный дискурс, имеющий особую вербальную (дебаты, митинги и т.д.) и невербальную (постановления, приказы, распоряжения и т.д.) форму;
3. Дискурс СМИ, которые являются посредниками при коммуникации различных групп населения и играют значимую роль в распространении идеологии.

Стоит так же отметить, что междисциплинарная природа дискурса обратила на себя внимание со стороны приверженцев интегрального подхода, в частности, Т.Н. Хомутова в своей статье «Типология дискурса: интегральный подход» классифицирует типы дискурса на основании следующих аспектов [Хомутова, 2014, с. 17]:

1. Когнитивный;
2. Социальный;
3. Культурный;
4. Языковой.

Автор статьи приходит к важному выводу, что «типологии дискурса во многом совпадают с типологиями текста». Таким образом, мы возвращаемся к утверждению о неправомерности противопоставления или полного отождествления таких лингвистических явлений, как «текст» и «дискурс», потому что «текст представляет собой часть дискурса, его модель», о чем уже было сказано в предыдущем пункте.

1.3 Военно-политический дискурс как особый тип дискурса

Военно-политический дискурс можно охарактеризовать как дискурс о войне и для войны, что, по нашему мнению, закрепляет за ним особое место в классификации типов дискурса. Ранее упоминавшийся американский исследователь военно-политического дискурса США – Джеффри Майклс – утверждает, что «в конфликтах дискурс играет существенную роль, как прямую, так и косвенную», а принципы ведения войны неотделимы от языка войны [Michaels, 2013, с. 1]. Тем не менее, многочисленные исследователи зачастую оставляют без внимания военно-политический дискурс, отдавая предпочтение рассмотрению вопросов политического или военного дискурса по отдельности, однако именно интегративный характер военно-политического дискурса придает ему особые черты, отличающие его как от политического, так и от военного типов дискурса.

В ранее упомянутой работе «The Discourse Trap and the US Military», написанной Джеффри Майклсом, приводится классификация так называемых «дискурсивных ловушек», присущих ВПД, на которой мы хотели бы остановиться более подробно и которую хотели бы задействовать в практической части работы при характеристике военно-политического дискурса США.

Джеффри Майклс утверждает, что существует, как минимум, три типа подобных «ловушек» [Michaels, 2013, с. 9–12]:

1. Эффект бумеранга;
2. Эксплуатация популярных идей;
3. Маргинализация.

Хотелось бы остановиться подробнее на данных особенностях ВПД и рассказать о каждой из них.

Эффект бумеранга, по мнению автора, чаще всего встречается в двух случаях: во-первых, когда терминология, использованная политиком, «заимствуется» его оппонентами, чтобы скомпрометировать намеченный курс. Зачастую именно из-за страха перед так называемым «эффектом бумеранга» многие политики вынуждены исключать из обихода конкретные термины. Во-вторых, «эффект бумеранга» характерен в тех случаях, когда дискурс создается с определенными целями и на непродолжительный срок, однако по истечении заданного промежутка времени он продолжает свое существование и чаще всего отклоняется от первоначального смысла (или даже противоречит ему).

Эксплуатация популярных идей – для данного вида «дискурсивной ловушки» характерно желание политических акторов извлечь выгоду из популярных дискурсов, что во многом навеяно стремлениями идти в ногу со временем и быть ближе к чаяниям населения. Эксплуатация популярных идей также осуществляется двумя путями: в первом случае оригинальное значение или даже авторство дискурса считаются утерянными, и все большее число акторов начинают приписывать себе данный дискурс, таким образом, ему придается новый смысл, а сам он может быть использован в новом контексте. Чем больше акторов прибегают к эксплуатации данного дискурса и чем больше различных смыслов вкладывают в него, тем серьезнее становится риск возникновения путаницы и конфликтов на данную тему. Во втором случае, чем больше акторов прибегают к использованию одного

дискурса, тем выше его шансы занять доминирующую позицию и стать недоступным для какой-либо критики.

Маргинализация – этот вид «дискурсивной ловушки» используется в тех случаях, когда какой-либо дискурс становится доминирующим, что оказывает угнетающее воздействие на прочие идеи в обществе. В некоторых случаях маргинализация альтернативных идей носит непреднамеренный характер, однако она может стать и продуманной стратегией, цель которой – манипуляция общественным мнением и навязывание определенной точки зрения.

Указанные выше так называемые «дискурсивные ловушки» дают нам общее представление о том, в каких условиях зачастую разворачивается военно-политический дискурс, однако для более подробного освещения вопроса характеристики ВПД мы решили воспользоваться перечнем компонентов, которые, по мнению В.И. Карасика [Карасик, 2002], присущи любому институциональному типу дискурса:

1. Участники;
2. Хронотоп;
3. Цели;
4. Ценности (в т.ч. ключевой концепт);
5. Стратегии (совокупность мер по реализации коммуникативных намерений говорящего);
6. Материал (тематика);
7. Разновидности и жанры;
8. Прецедентные (культурогенные) тексты;
9. Дискурсивные формулы.

Учитывая тот факт, что в научной литературе зачастую характеризуются только военный и политический типы дискурсов, мы решили составить сравнительную таблицу (Таблица 1.1), в которой наглядно представлены

сходства и различия, позволяющие говорить о ВПД как о сравнительно независимом типе дискурса.

Таблица 1.1 – Сравнительная характеристика типов дискурса

<i>Компонент</i>	<i>Тип дискурса</i>		
	<i>Политический</i>	<i>Военный</i>	<i>Военно-политический</i>
<i>Участники</i>	Агенты политических институтов; международные организации; СМИ.	Сотрудники военных ведомств всех должностей и званий.	Первые лица государства; представители военных ведомств на высшем уровне; высокие представители МИД; главы международных организаций; государственные СМИ.
<i>Хронотоп</i>	Заседание правительства; сессия парламента; съезд политической партии и т.д.	Закрытые совещания военных ведомств; армейские части; военные базы и т.д.	Пресс-конференции; заседания в рамках работы международных организаций и т.д.
<i>Цели</i>	Борьба за власть, её удержание и перераспределение.	Осуществление военных действий, победа над противником.	Инициация военных действий и обоснование их необходимости, информирование населения о ходе войны и формирование общественного мнения; освещение любой коммерческой и некоммерческой (торговля

			оружием, совместные учения) деятельности, связанной с ВПК.
<i>Ценности</i>	Апелляция к традиционным ценностям, принятым в конкретном обществе (например, благополучие, личные свободы, патриотизм).	Апелляция к тем качествам, которые больше всего требуются для ведения войны: дисциплинированность, уважение старших по званию, честь, мужество, отвага.	Нагнетание чувства угрозы и необходимости вмешательства в ситуацию, мессианские установки, воззвание к чувству патриотизма, народному единению для решения общей проблемы.
<i>Стратегии</i>	Стратегия на понижение; стратегия на повышение; стратегия театральности.	Стратегия презентации.	Стратегия на понижение; стратегия на повышение; стратегия театральности.
<i>Тематика</i>	Идеология, политические системы, политическая деятельность, политические процессы, политические субъекты и т.д.	Военный конфликт, принципы и тактики ведения войны, субординация и т.д.	Международные отношения, международное право, вопросы войны и мира и т.д.
<i>Разновидности и жанры</i>	Партийная программа, политический доклад, выступление на митинге или в парламенте, газетная статья,	Приказы, распоряжения, постановления, указания, директивы и т.д.	Доклад, выступление на пресс-конференции или в парламенте, выступление на заседании

	лозунг, слоган и т.д.		органов международных организаций (например, ООН, НАТО), интервью, газетная статья и т.д.
<i>Прецедентные тексты</i>	Фразеологизмы, пословицы, поговорки, художественная литература, цитаты и т.д.	Уставные документы, а также документы, регламентирующие прохождение военной службы.	Фразеологизмы, пословицы, поговорки, художественная литература, цитаты и т.д.
<i>Дискурсивные формулы</i>	Использование многочисленных приемов на стилистическом уровне, использование эпитетов, метафор и сравнения для достижения требуемого эффекта и т.д.	«Сухой» язык, в котором преобладают клише и уставные формулировки, общепринятые команды и т.д.	Использование многочисленных приемов на стилистическом уровне, использование эпитетов, метафор и сравнения для достижения требуемого эффекта и т.д.

На основании результатов нашего анализа мы можем представить следующую характеристику ВПД:

1. Участники ВПД: поскольку война – очень щекотливая тема, все, что связано с заявлениями о ее ходе или инициации ложится на плечи главы государства или руководителей военных ведомств (например, обращение Джорджа Буша-младшего к нации от 17 марта 2003; речь Буша-младшего от 1 мая 2003 о завершении кампании в Ираке). В связи с этим можно говорить о своеобразной элитарности военно-политического дискурса. Следует отметить, что даже материалы в СМИ, как правило, публикуются именно на основании выступлений высших чиновников в связи с ограниченным

доступом к информации третьих лиц, эта мысль также находит свое подтверждение в статье политолога Эми Гершкоф «Shaping public opinion: The 9/11-Iraq Connection in the Bush Administration's Rhetoric» [Gershkoff, 2005, с. 526]. В свою очередь, политический дискурс не имеет столь жесткой иерархии, так как с политическими заявлениями могут выступать политические деятели любого уровня. Военный дискурс, в отличие от предыдущих двух типов дискурса, имеет еще более закрытый характер, так как напрямую касается стратегии и тактики ведения войны, а значит, составляет государственную тайну.

2. Хронотоп: по критерию хронотопа можно отметить промежуточное положение военно-политического дискурса по отношению к военному и политическому типам дискурса. С одной стороны, военно-политический дискурс является более открытым, нежели военный, для которого характерны закрытые совещания и принятие секретных документов по их итогам. С другой стороны, военно-политический дискурс не подразумевает как такового диалога с общественностью: решение принято, и цель политиков и чиновников – убедить общественность в необходимости и правильности данного решения. Именно поэтому военно-политический дискурс зачастую имеет формат выступлений в стенах правительственных учреждений и международных организаций (например, выступление Джорджа Буша-младшего о неизбежности военной операции против Ирака на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 12 сентября 2002 года), для него не характерны публичные дебаты и обсуждения, присущие политическому типу дискурса.

3. Цели и ценности: пожалуй, одно из основных отличий военно-политического дискурса – его цель, потому что речь идет не о борьбе за власть, как в политическом дискурсе, и не о непосредственном ведении войны, что характерно для военного дискурса, но о самых сложных аспектах войны – инициации военных действий, получении поддержки населения для

их продолжения, попытке оправдать вскрывшуюся впоследствии ошибочность принятого курса или обосновать коммерческую и некоммерческую активность в сфере ВПК. Именно цель ВПД во многом определяет ценности, которые в нем заложены. Для военно-политического дискурса характерны определенные мессианские установки, когда необходимость развязывания войны объясняется стремлением спасти кого-то, улучшить ситуацию в мире или, в самых крайних случаях (из-за риска нагнетания массовой истерии), защищать собственные рубежи, как это было в период так называемой Холодной Войны. В свою очередь, для политического дискурса характерна апелляция к традиционным ценностям, принятым в обществе, что зачастую проявляется в самих формулировках политических лозунгов (например, предвыборный лозунг Дональда Трампа на период президентских выборов 2016 года – «Сделаем Америку снова великой», который апеллирует к величию американского народа и статусу США как сверхдержавы). Военный дискурс ярче всего проявляет себя в апелляции к тем качествам, которые больше всего необходимы для удачного исхода войны (например, один из лозунгов морской пехоты США – «Избранные. Гордые. Морская пехота»).

4. Стратегии: что касается стратегий, то ВПД во многом прибегает к инструментарии политического дискурса, реализуясь благодаря стратегиям на понижение/повышение и стратегии театральности. Так, используя стратегию на повышение, говорящий стремится возвысить себя над противником и увеличить значимость собственного статуса, в свою очередь, стратегия на понижение реализуется за счет умаления противника и желания дискредитировать его. Это требуется для того, чтобы обосновать необходимость военных действий и обвинить противоборствующую сторону в провоцировании их инициации. Значимая роль в ВПД также отводится стратегиям театральности, именно она обладает высокой эмоциональностью и именно ей отводится роль убеждения аудитории в правильности выбранного

курса. Как и в политическом дискурсе, стратегия театральности используется в связи с тем, что одна из сторон – население – во многом играет роль пассивного наблюдателя, не принимающего каких-либо значимых решений и воспринимающего военные и политические события как театральное действие.

5. Тематика: в отличие от политического дискурса, затрагивающего общие вопросы внешней и внутренней политики во всех ее проявлениях, тематика ВПД во многом ориентирована на область международных отношений, так как чаще всего речь идет о межгосударственных конфликтах или отношениях в сфере ВПК, в свою очередь, военный дискурс имеет еще более узкую направленность, чем ВПД, охватывая исключительно вопросы ведения войны.

6. Разновидности и жанры: жанры ВПД частично пересекаются с разновидностями и жанрами политического дискурса, однако принципиальное значение имеет то, что ВПД тяготеет к устным выступлениям, заявлениям и докладом первых лиц и их непосредственных подчиненных. При этом все письменные жанры, в том числе газетные статьи, выпускаемые СМИ, как правило, создаются на основе указанных устных источников, что подтверждает тезис об определенной элитарности ВПД.

7. Прецедентные тексты и дискурсивные формулы: на основе приведенных в таблице данных, мы можем утверждать, что ВПД и политический дискурс находятся в одном и том же регистре в отличие от военного дискурса, язык которого жестко регламентирован и не тяготеет к использованию каких-либо тропов. В то же время похожий характер ВПД и ПД в данном отношении объясняется эмотивным компонентом, характерным для обоих типов дискурса.

Таким образом, наш анализ показал, что, несмотря на интегративную природу военно-политического дискурса, в большинстве своем данный тип дискурса наиболее ярко проявляет именно свою политическую

составляющую, особенно в том, что касается стратегий, жанров, а также прецедентных текстов и дискурсивных формул. Определенная общность ВПД и политического дискурса объясняется их убеждающей функцией. Тем не менее, основные характеристики - цели и ценности ВПД и политического дискурса - не совпадают, что позволяет нам рассматривать ВПД как относительно самостоятельный тип дискурса.

В целом, подводя итоги данного раздела, мы можем сформулировать следующее определение военно-политического дискурса: к военно-политическому дискурсу относятся тексты и речи, касающиеся освещения военных действий, а также коммерческой и некоммерческой деятельности, связанной с ВПК, первыми лицами государства, главами международных организаций или проправительственными СМИ.

В нашей работе по анализу ВПД мы будем руководствоваться принципами и постулатами дискурс-анализа и, в частности, нам потребуется критический дискурс-анализ, о котором речь пойдет в следующих разделах данного исследования.

1.4 Дискурс-анализ как научное направление

Несмотря на то, что дискурс-анализ – одно из наиболее молодых направлений в лингвистике, многие специалисты считают, что его истоки зародились ещё в древности и восходят к такой классической дисциплине, как риторика. В отличие от грамматики, в рамках которой рассматриваются правила корректного использования языка, риторика с самого начала учитывала экстралингвистические аспекты речи выступающего, благодаря чему осуществлялось воздействие на публику. По мнению одного из основоположников дискурс-анализа, Т. Ван Дейка, классическая риторика предвосхищает современную стилистику и структурный анализ дискурса, а также на интуитивном уровне содержит когнитивные и социально-психологические представления относительно организации памяти и смены отношения в коммуникативных контекстах. Тем не менее, со временем

риторика утрачивает свое влияние в сфере языка и уступает место сравнительно-исторической и структурной лингвистике.

Несмотря на падение интереса к риторике, с течением времени появляется ряд других гуманитарных дисциплин, предшествующих становлению дискурс-анализа. В этой связи уже упомянутый ван Дейк [Dijk, 1985] подчеркивает огромное влияние русского научного объединения известного как русский формализм или «формальная школа». О влиянии формального «литературоведения» на становление дискурсивного направления упоминает и О.А. Толпыгина в своей статье «Дискурс и дискурс-анализ в политической науке» [Толпыгина, 2002], говоря о том, что дискурс-анализ «возникает в рамках структурной лингвистики и русской формальной школы» [Толпыгина, 2002, с. 77].

Следует отметить, что одной из основных проблем, стоявших перед формалистами, стало сопоставление так называемого «практического» и «поэтического» языка. Так, видный теоретик русского формализма – Б.М. Эйхенбаум – в своей статье «Теория Формального метода» [Эйхенбаум, 1927] отмечает, что «основные усилия формалистов были направлены на обоснование того, что словесное искусство должно изучаться в его специфических чертах и что для этого необходимо исходить из различных функций поэтического и практического языка».

Среди работ известных представителей русского формализма также можно отметить труд Владимира Яковлевича Проппа, который занимался изучением фольклора. По мнению ван Дейка, работа В.Я. Проппа «Морфология сказки» [Пропп, 1998] представляла собой первый структурный анализ дискурса в отношении набора фиксированных функций, в который помещены сюжеты различных сказок.

Таким образом, первые работы, предшествующие становлению дискурс-анализа изначально имели междисциплинарный характер и находились на стыке антропологии, теории поэзии, лингвистики, социологии и прочих

гуманитарных наук. Тем не менее, последующие шаги в области становления дискурс-анализа автор связывает уже со второй половиной XX века, что во многом объясняется трагичными событиями предшествующих десятилетий, которые на долгое время приостановили научные исследования не только в лингвистике, но и в прочих областях наук.

Говоря о появлении дискурс-анализа в его современном виде, Т. ван Дейк отмечает, что поворотным пунктом становится период 60-х годов. Так, уже в 1964 во Франции появляются первые публикации, посвященные непосредственно структурному анализу дискурса. Стоит отметить, что в своих многочисленных статьях Т. ван Дейк неоднократно отмечал большое количество работ, посвященных дискурс-анализу и выходящих из-под пера его франкоговорящих коллег. В частности, автор отмечает вклад Р. Барта и К. Бремона в развитие структурного анализа дискурса.

В том же 1964 году выходит еще одна работа, оказавшая огромное влияние на формирование дискурс-анализа, принадлежащая американскому лингвисту Деллу Хаймсу – «Язык в культуре и обществе». Несмотря на то, что такие понятия, как «дискурс» и «текст», не являлись доминирующими на протяжении работы, тем не менее, автор уделил большое внимание вопросам коммуникации, форм речи и форм обращения, что впоследствии переросло в этнографию речи, во многом связанную с дискурс-анализом.

Несмотря на серьезные различия в исследованиях американских и французских ученых, подобный тандем структурной лингвистики и антропологии зародил в ученой среде интерес к изучению вопросов дискурса, форм коммуникации и использования языка.

Говоря о научных успехах 60-х годов, следует отметить еще один переломный момент в становлении дискурс-анализа: зарождение лингвистики текста (грамматики текста). Первая работа в этой области принадлежала перу Питера Хартманна, а впоследствии его идеи были поддержаны его учениками. Отдельно стоит упомянуть и «системную

грамматику» Майкла Халлидея [Halliday, 1961], которая затрагивала не только вопрос организации предложений, но также отношения между предложениями и дискурсом.

Несмотря на достижения 60-х годов, все они были лишь предпосылками для непосредственного становления дискурс-анализа в качестве независимого направления исследования в начале 70-х годов, когда в свет вышли первые монографии и сборники, посвященные вопросам анализа дискурса. В какой-то степени революционной для того времени стала работа «Теория речевого акта и прагматика» [Searle, 1980], в которой утверждалось, что предложению, рассматриваемому в особом контексте, необходимо приписывать дополнительное значение или функцию, которые зависят от намерений, убеждений и оценок говорящего или от отношений между слушателем и говорящим. Таким образом, в данной работе речь шла не только о влиянии контекста на высказывание, но и об одновременном восприятии высказывания как лингвистического объекта и формы социального взаимодействия. В этой связи стоит отметить, что 70-е годы ознаменовались также расцветом социологии, достижения которой способствовали дальнейшему развитию дискурс-анализа. Так, в 70-е годы особое внимание ученых привлекло изучение бытовых разговоров и прочих форм естественной коммуникации в социальном взаимодействии, что ознаменовало собой переход от рассмотрения структур на макроуровне до структур микроуровня, который сегодня характерен и для анализа дискурса.

Стоит отметить, что в 70-е годы появилось множество публикаций уже упоминавшегося ранее ван Дейка, который считается одним из основателей направления критического дискурс-анализа [Dijk, 1976; Dijk, 1977; Dijk, 1981]. Несмотря на то, что сам ученый не часто ссылается на собственные работы, именно его исследования на стыке социологии и анализа дискурса совершили настоящий прорыв в дискурсивной лингвистике и, став

классическими, повлекли за собой всплеск интереса к политической лингвистике и изучению взаимоотношений дискурса и власти.

1.5 Критический дискурс-анализ и его цели

В своей классической статье под названием «Critical discourse analysis» Т. ван Дейк [Dijk, 2015] знакомит читателя с основными положениями критического дискурс-анализа (КДА). Одним из наибольших заблуждений, по мнению автора, является то, что многие воспринимают КДА как особый метод осуществления дискурс-анализа, в то время как КДА вбирает в себя всевозможные методы, применяемые в дискурсивных исследованиях и гуманитарных науках в целом.

Первые попытки сформулировать принципы КДА были предприняты еще до Второй Мировой войны представителями Франкфуртской школы, однако его основные положения были выработаны в конце 70-х годов как ответ на преобладание «формальных парадигм», которые были характерны, например, для структурной и генеративной лингвистики.

Согласно Т. ван Дейку, критические исследования дискурса вращаются вокруг следующих принципов:

1. КДА сосредоточен преимущественно на социальных и политических проблемах, а не на изучении дискурсивных структур без учета социального и политического контекста;

2. Критический анализ социальных проблем в большинстве своем имеет мультидисциплинарный характер;

3. КДА не просто описывает дискурсивные структуры, но пытается их объяснить относительно характеристик социального взаимодействия и общественной структуры

4. КДА во многом сосредотачивает свое внимание на реализации дискурсивных структур при злоупотреблении общественной властью.

Следует подчеркнуть, что для КДА характерно рассмотрение дискурса на макро- и микроуровне. Так, вопросы непосредственно дискурса, вербального

взаимодействия и коммуникации принадлежат микроуровню, в то время как злоупотребление властью, доминирование и неравенство между социальными группами изучаются на макроуровне КДА. Сопоставление макро- и микроуровней КДА в большинстве своем осуществляется в рамках следующих категорий:

1. Член группы – группа;
2. Поступки индивидов – социальные процессы;
3. Контекст – социальная структура;
4. Индивидуальное – общественное сознание.

При этом центральным понятием КДА, несомненно, считается понятие власти, так как, «группы, контролирующие наиболее влиятельный дискурс, имеют больше шансов косвенно повлиять на мысли и поступки других людей» [Dijk, 2015]. Т. ван Дейк рассматривает следующие случаи взаимодействия дискурса и власти:

1. Контроль над текстом и контекстом дискурса;
2. Контроль над мыслями;
3. Дискурс доминирования.

В первом случае дискурс рассматривается как сложное коммуникативное явление, состоящее из текста и контекста (коммуникативной ситуации). Контроль над речевыми актами, жанрами дискурса и прочими аспектами коммуникативной ситуации, в свою очередь, позволяет осуществлять контроль над структурами текста и разговора.

Второй случай во многом является производным от первого, потому что контроль над мыслями людей посредством вышеупомянутого дискурса – основной, хоть и завуалированный способ воспроизводства доминирования и установления гегемонии в обществе. Определенные элементы дискурса такие, как тема, аргументы, метафоры, подбор слов и риторические фигуры могут непосредственно влиять на содержание и структуры ментальных моделей. Уделяя особенное внимание воздействию КДА на ментальные

модели получателей сообщения, Т. ван Дейк выделяет следующие приемы, характерные для дискурса доминирования:

1. Говорящие заголовки;
2. Высказывания с подтекстом и предположения;
3. Метафоры;
4. Подбор слов;
5. Использование пассивных конструкций.

Дискурс доминирования, по сути, представляет собой конечный результат контроля над текстом и контекстом дискурса в сочетании с достигнутым контролем над мыслями реципиентов.

Среди отличительных характеристик, присущих работам в области КДА можно выделить следующие:

1. Ориентация на проблему, а не на парадигму, так как любой теоретический и методологический подход, используемый в рамках КДА, считается уместным до тех пор, пока с его помощью можно эффективно изучать соответствующие социальные проблемы;

2. КДА не является школой, направлением или отдельной дисциплиной в рамках дискурс-анализа, но представляет собой критический подход в изучении текста и речи;

3. Работы в области КДА всегда мультидисциплинальны по своему характеру и чаще всего сфокусированы на отношениях дискурса и общества;

4. КДА по своей природе – лишь одна из составляющих критических исследований, характерных для гуманитарных и социальных наук;

5. КДА рассматривает все уровни и измерения дискурса, куда входят грамматика, стилистика, риторика, речевые акты, прагматические стратегии и т.д.;

6. Отдельное внимание в КДА уделяется семиотическому измерению (изображения, фильмы, музыка, жесты и т.д.) коммуникативных событий;

7. КДА преимущественно занимается изучением отношений власти, доминирования и неравенства, а также того, как они реализуются и воспроизводятся в обществе посредством текста и разговора;

8. Одна из задач КДА – разоблачить стратегии манипулирования, легитимации и управления сознанием людей в интересах власти.

Т. ван Дейк подчеркивает определенную «оппозиционную» составляющую КДА, направленного против злоупотребления властью, которое реализуется посредством дискурса манипулирования. Тем не менее, именно за эту составляющую КДА сам стал объектом критики со стороны научного сообщества, которое обвиняло представителей данного направления в «ненаучности» выводов и отсутствии объективности.

Преимущественно КДА основывается на выделении в тексте и разговоре тех структур и стратегий, которые способствуют раскрытию темы доминирования и манипуляции, содержащейся в данных текстах. По сути, фокусируя свое внимание на социальных и политических проблемах необходимо искать подробности того, как подобные формы неравенства выражаются, легитимизируются и воспроизводятся в текстах и разговорах. Подобное доминирование, осуществляемое при помощи дискурса, основывается на ограниченном доступе к тексту и контексту, которые рассматриваются как источник власти, сопоставимый с такими ресурсами как деньги, высокое положение в обществе и элитное образование. Так, например, политические элиты имеют привилегированный доступ к наиболее важным и влиятельным жанрам дискурса в обществе.

Тем не менее, так как КДА фокусирует свое внимание именно на злоупотреблении властью, критические исследования рассматривают незаконные формы контроля и доступа к информации (например, цензура). При этом дискурс не ограничивается вербальными действиями, но также включает в себя интерпретацию и понимание. Это значит, что ограниченный доступ к дискурсу или контроль над его характеристиками может также

повлиять на мысли реципиентов. Таким образом, элита осуществляет контроль не только над коммуникативными действиями, но и над сознанием окружающих. Учитывая, что коммуникативные действия основываются на ментальных моделях реципиентов, подразумевающих определенные социальные познания и сформировавшиеся взгляды, то влияние на эти модели или убеждения, на которых они основаны, может стать эффективным способом контроля над действиями других людей.

Учитывая вышесказанное, на настоящий момент одной из главных задач критического анализа дискурса становится изучение того, какие характеристики говорящего и его дискурса являются наиболее эффективными средствами контроля над сознанием слушателя (например, предпочтение одних тем другим).

Таким образом, можно сделать вывод, что КДА – особый подход в анализе дискурса, который обращает внимание на дискурсивные условия, компоненты и последствия злоупотребления властью доминирующими группами и институтами. В сферу интересов КДА попадает ограничение доступа к информации и контроль над сознанием реципиентов, дискурсивными стратегиями, контекстом, жанрами, текстами и разговорами, а также их характеристиками. КДА существует, чтобы изобличать те группы и институты, которые используют свою власть во вред обществу.

Учитывая тот факт, что основная цель ВПД – навязать общественному мнению необходимость войны и доказать правильность занятой политической позиции, в нашем исследовании мы прибегнем именно к изучению злоупотребления властью и того, как это злоупотребление реализуется на практике. Использование КДА для изучения ВПД поможет выявить нам особенности текстов и речей, относящихся к данному типу дискурса, а также раскрыть тему доминирования и манипуляции, содержащихся в материале ВПД.

Выводы по главе 1

Данная глава носит теоретический характер и представляет базу для дальнейшего практического исследования. В рамках данной главы перед нами стояли следующие задачи:

1. Рассмотреть понятие дискурса в современной лингвистике, изучить существующие классификации типов дискурса;
2. На основе имеющихся достижений и теоретической базы в области дискурсивных исследований уточнить определение военно-политического дискурса, отвечающее концепции данной работы, а также дать характеристику военно-политическому дискурсу;
3. Рассмотреть понятие дискурс-анализа и, в частности, критического дискурс-анализа, изучить принципы осуществления критического дискурс-анализа для его последующего применения в практической части работы.

При решении первой задачи в пунктах 1.1 и 1.2 данной работы нам удалось выяснить, что однозначного толкования понятия дискурс на настоящий момент в лингвистике не существует, поэтому акценты смещаются в зависимости от целей, стоящих перед конкретными исследователями. Многочисленные дискуссии возникают вокруг принципиального вопроса соотношения таких понятий, как «текст» и «дискурс». В рамках данной работы мы придерживаемся той позиции, что что текст – это одна из составляющих дискурса, при этом непосредственно текст и дискурс являются предметно-знаковым и деятельностным аспектом коммуникации соответственно.

Для успешного решения первой задачи нам также потребовалось познакомиться с существующими классификациями типов дискурса. Из множества классификаций мы остановились на типологиях дискурса следующих авторов: В.И. Карасик, Е.Ю. Алешина, Т. ван Дейк, Т.Н. Хомутова. Стоит отметить, что в своей известной классификации типов

дискурса в зависимости от статусно-ролевых характеристик участников общения В.И. Карасик не выделяет ВПД как особый тип дискурса, несмотря на его отличительные особенности, поэтому характеристике ВПД мы уделили отдельное внимание и выделили ее в отдельный пункт данной работы.

Пункт 1.3 настоящей работы посвящен решению второй задачи, в результате чего нами было выведено определение ВПД, отвечающее концепции нашей работы. Для создания обоснованного определения ВПД мы воспользовались перечнем компонентов, присущих, по мнению В.И. Карасика, любому институциональному типу дискурса:

1. Участники;
2. Хронотоп;
3. Цели;
4. Ценности (в т.ч. ключевой концепт);
5. Стратегии (совокупность мер по реализации коммуникативных намерений говорящего);
6. Материал (тематика);
7. Разновидности и жанры;
8. Прецедентные (культурогенные) тексты;
9. Дискурсивные формулы.

Мы подробно охарактеризовали ВПД, руководствуясь перечнем данных компонентов, что позволило нам вывести собственное определение ВПД, согласно которому к военно-политическому дискурсу относятся тексты и речи, касающиеся освещения военных действий, а также коммерческой и некоммерческой деятельности, связанной с ВПК, первыми лицами государства, главами международных организаций или проправительственными СМИ.

Пункты 1.4–1.5, посвященные решению 3 задачи, затрагивают непосредственно дискурс-анализ, вокруг которого будет строиться

практическая часть работы. В пункте 1.4 мы осветили вопросы становления дискурс-анализа как научного направления, что позволило нам проследить его взаимосвязь с другими направлениями в лингвистике, а также перейти к рассмотрению критического-дискурс анализа, методами которого мы будем руководствоваться в дальнейшей работе.

Пункт 1.5 рассматривает практическое применение критического-дискурс анализа, а также принципы, на которых основываются исследования в области КДА:

1. Подобные исследования сосредоточены преимущественно на социальных и политических проблемах, а не на изучении дискурсивных структур без учета социального и политического контекста.
2. Критический анализ социальных проблем в большинстве своем имеет мультидисциплинарный характер.
3. КДА не просто описывает дискурсивные структуры, но пытается их объяснить относительно характеристик социального взаимодействия и общественной структуры.
4. КДА во многом сосредотачивает свое внимание на реализации дискурсивных структур при злоупотреблении общественной властью.

В соответствии с нашей гипотезой, руководствуясь данными принципами, КДА позволит нам выделить функциональные и стилистические особенности ВПД, которые раскрываются через дискурс доминирования - конечный результат контроля над текстом и контекстом дискурса в сочетании с достигнутым контролем над мыслями реципиентов.

ГЛАВА 2 ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА США

2.1 Экстралингвистический контекст обращения Джорджа Буша-младшего к нации 17 марта 2003 года

Обращение Джорджа Буша-младшего к нации 17 марта 2003 года можно считать одним из наиболее ярких примеров военно-политического дискурса США, который раскрывает практически все характерные черты ВПД.

Однако перед тем, как приступить к непосредственному анализу оригинала и перевода, следует упомянуть об историческом контексте выступления Дж. Буша-младшего, который играет важную роль для его правильного восприятия.

Терракты 11 сентября 2001 года, в ходе которых была совершена атака на Всемирный Торговый Центр и здание Пентагона, создали обстановку всеобщей истерии, в которой желание мести и чувство страха сделали борьбу с терроризмом приоритетной целью американского правительства. Вскоре после теракта под предлогом борьбы со странами, спонсирующими терроризм и предоставляющими убежище террористам, последовало вторжение в Афганистан (2001 г.) и Ирак (2003 г.). Вторжение в Ирак коалиции под предводительством США и Великобритании имело огромный общественный резонанс так как, во-первых, не было поддержано населением стран коалиции, а, во-вторых, произошло в нарушение международного права в целом и устава ООН в частности.

Учитывая вышесказанное, логично предположить, что Дж. Бушу-младшему пришлось употребить все свое красноречие, чтобы обосновать, почему США должны принять участие в еще одной войне, в то время как достаточно внушительный контингент американских войск уже дислоцирован на территории Афганистана.

Еще одна особенность выступления Буша-младшего 17 марта 2003 года заключается в том, что это не просто обращение к нации (address to the Nation

on Iraq), но также ультиматум войны Саддаму Хусейну (war ultimatum speech), что придает этой речи президента особое значение и делает ее уникальным объектом для анализа перевода и характерных черт ВПД.

Стоит отметить, что тексты военно-политического дискурса являются одними из наиболее сложных с точки зрения решения переводческих задач, что связано с перенасыщенностью подобных текстов различными тропами и их тесной связью с экстралингвистическим контекстом. В этой связи мы отмечаем статью Т. ван Дейка «War rhetoric of a little ally» [Dijk, 2005], посвященную анализу парламентских выступлений испанского премьер-министра – Хосе Мариа Аснара, в предисловии к которой Дейк пишет, что политический дискурс и его особенности должны интерпретироваться не только как тексты, но и как выражение политического сознания, политических действий и политических процессов. Анализ политического дискурса не должен ограничиваться структурными особенностями текста и речи, но также учитывать условия, в которых они разворачиваются, и их функции в политическом процессе.

Для текстов военно-политического дискурса характерны следующие компоненты, в которых реализуется убеждающая функция ВПД:

1. Описание создавшейся военно-политической ситуации как кризиса;
2. Противопоставление на уровне «мы-они»;
3. Нагнетание чувства страха и ограниченности во времени для принятия решений;
4. Легитимация принятого курса действий.

Именно перевод вышеперечисленных компонентов требует особого внимания со стороны переводчика в выборе слов и выражений, так как зачастую именно эти части выступлений изобилуют эпитетами, метафорами и прочими тропами. Необходимо отметить, что вышеуказанные компоненты приведены не в хронологическом порядке, а их использование в тексте не

привязано к какой-либо его части, что можно увидеть уже в первых примерах.

2.2 Анализ параллельных текстов обращения Джорджа Буша-младшего к нации с учетом принципов КДА

Дальнейший анализ выполнен с учетом принципов КДА, изложенных в п. 1.5 настоящего исследования, в качестве эталона осуществления дискурса-анализа в соответствии с принципами КДА мы взяли ранее упомянутую статью Т. ван Дейка под названием «War rhetoric of a little ally» [Dijk, 2005], посвященную анализу дискурса испанского премьер-министра - Хосе Мариа Аснара – в связи со вступлением Испании в антииракскую коалицию. В нашем анализе мы постараемся учесть не только переводческие приемы и особенности перевода текста с английского на русский язык, но также проанализировать и интерпретировать смысл сказанного с учетом знания экстралингвистического (в т.ч. исторического) контекста описываемых событий.

Свое обращение к нации Дж. Буш-младший начинает со слов: «My fellow citizens, events in Iraq have now reached the final days of decision». Уже в первом предложении мы видим, что президент США подчеркивает ограниченность во времени для принятия решения, на которой переводчику необходимо заострить внимание при работе с оригиналом. Текст выступления, опубликованный на авторитетном российском новостном сайте inosmi.ru, содержит следующий перевод: «Мои соотечественники! События в Ираке сейчас подошли к моменту, когда в ближайшие дни должно быть принято решение». С одной стороны, можно заметить, что смысл предложения остался неизменным, с другой стороны, замена «final days» на «ближайшие дни» сглаживает эффект, производимый речью, и не передает в полной мере ограничения во времени. С нашей точки зрения, было бы правомерно использовать следующий перевод: «События в Ираке достигли точки невозврата, требующей незамедлительного принятия решения». В

подобном варианте использование фразеологизма «точка невозврата» наряду с эпитетом «незамедлительный» нагнетают более острое чувство нехватки времени и сохраняют определенный пафос, характерный для начала речи, не искажая при этом его общий смысл. Таким образом, мы воспользовались приемом смыслового развития и перевели «events have now reached the final days of decision» как «события достигли точки невозврата, требующей незамедлительного принятия решения».

Далее, мы можем увидеть, что Буш прибегает к описанию ситуации как кризиса, используя при этом противопоставление на уровне «мы-они»: «For more than a decade, the United States and other nations have pursued patient and honorable efforts to disarm the Iraqi regime without war. That regime pledged to reveal and destroy all its weapons of mass destruction as a condition for ending the Persian Gulf war in 1991». Здесь стоит обратить внимание на абсолютно четкое противопоставление «США и других стран» так называемому «иракскому режиму», которое впоследствии красной нитью будет проходить через все выступление президента. Затем, наряду с использованием эпитетов и синонимичных рядов, мы можем увидеть терминологию, характерную непосредственно для ВПД: weapons of mass destruction (оружие массового поражения) и Persian Gulf war (война в Персидском заливе или война в заливе).

Упоминание войны в Персидском заливе 1991 года требует от аудитории знания экстралингвистического контекста, потому что подобная аналогия была приведена президентом Бушем неслучайно. В попытке оправдать так называемые «превентивные действия», за которыми стоит инициация войны против другого государства, президент ссылается на войну, в которой Ирак выступал зачинщиком и агрессором, чтобы создать у слушателей ощущение сходства исторических условий, в которых разворачиваются события.

В переводе на русский язык этот отрывок выглядит следующим образом: «На протяжении более десятилетия Соединенные Штаты и другие страны

терпеливо и с достоинством пытались разоружить иракский режим без войны. Этот режим обещал рассекретить и уничтожить все свое оружие массового поражения (ОМП) как одно из условий прекращения войны в Персидском заливе в 1991 году». Мы видим, что переводчику в полной мере удалось справиться со своей задачей, особенно выгодно в свете данного отрывка выглядит прием замены части речи, когда отрывок «patient and honorable efforts to disarm» был переведен как «терпеливо и с достоинством пытались разоружить». Тем не менее, стоит обратить внимание на словосочетание «to disarm without war», которое переводчик решил сохранить в неизменном виде как «разоружить без войны». С точки зрения автора, было бы удачным ходом использовать антонимический перевод: «разоружить мирными средствами», что не только бы сохранило смысл высказывания, но и усилило контраст темы войны и мира за счет противопоставления оружия и мирных средств.

Далее Буш обращается к нации со следующими словами: «Since then, the world has engaged in 12 years of diplomacy. We have passed more than a dozen resolutions in the United Nations Security Council. We have sent hundreds of weapons inspectors to oversee the disarmament of Iraq. Our good faith has not been returned. The Iraqi regime has used diplomacy as a ploy to gain time and advantage». Данный отрывок ярчайшим образом демонстрирует противопоставление на уровне «мы-они» благодаря неоднократному использованию соответствующих местоимений вместе с перечислением тех мирных средств, к которым прибегали США и их союзники для разрешения конфликта. Отдельное внимание стоит уделить тому, что во вступительной части речи неоднократно повторяется абстрактное и обезличенное словосочетание «иракский режим», чтобы создать иллюзию объективности и доказать мировой общественности, что эта война не является сведением личных счетов или преследованием меркантильных интересов, а представляет собой акт доброй воли и желание демократического

государства освободить народ от тиранического «иракского режима». Также данный отрывок содержит военно-политическую терминологию и имена собственные: United Nations Security Council, weapons inspectors, disarmament, resolutions. Несмотря на его кажущуюся простоту с точки зрения перевода, текст выступления на русском языке, представленный на inosmi.ru, содержит следующее предложение: «С тех пор мир потратил 12 лет на дипломатию». В данном переводе в качестве эквивалента к глаголу «engaged» используется глагол с ярко выраженной негативной коннотацией «потратил», что демонстрирует использование стилистического приема эмфатизации. У нас возникает закономерный вопрос об уместности использования эквивалента с подобным подтекстом, исходя из которого, получается, что 12 лет активной внешней политики стран мира были потрачены впустую. И хотя подобный вариант в какой-то мере отражает суть сказанного, мы предлагаем следующий перевод: «С тех пор на протяжении 12 лет страны мира предпринимали дипломатические усилия по разрешению конфликта». Таким образом, мы нейтрализуем негативную коннотацию анализируемого перевода, не теряя при этом суть высказывания.

Еще один характерный пример, но уже демонстрирующий легитимацию выбранного курса действий, можно увидеть в следующем высказывании: «Peaceful efforts to disarm the Iraqi regime have failed again and again because we are not dealing with peaceful men». В данном предложении абсолютно недвусмысленно подчеркивается мысль о том, что дальнейшие мирные усилия не имеют смысла (peaceful efforts have failed again) и что пришла пора переходить к более агрессивным действиям (we are not dealing with peaceful men). Буш также подчеркивает миролюбивость американского народа, которому претят военные действия, но который вынужден на них согласиться, потому что речь идет о выяснении отношений с немиролюбивыми оппонентами – классический пример противопоставления на уровне «мы-они».

Далее Дж. Буш-младший переходит к открытым обвинениям в адрес противника, нагнетая при этом чувство страха на мирное население, которое должно осознать масштаб нависшей угрозы: «...the Iraq regime continues to possess and conceal some of the most lethal weapons ever devised. This regime has already used weapons of mass destruction against Iraq's neighbors and against Iraq's people. The regime has a history of reckless aggression in the Middle East. It has a deep hatred of America and our friends. And it has aided, trained, and harbored terrorists, including operatives of Al Qaida». Приведенный выше внушительных размеров отрывок явственно отражает отношение американского правительства к Ираку как к обители зла на Ближнем Востоке. Например, мы можем проследить следующую цепочку ключевых словосочетаний, выделенных по ходу отрывка по принципу подлежащее + дополнение, которые несут в себе примерно одинаковые сообщения: иракский режим – самое смертоносное оружие – этот (иракский) режим – оружие массового поражения – (иракский) режим – безрассудная агрессия – он (режим) – ненависть – он (режим) – террористы. Таким образом, повторяемая, как мантра, угроза о наличии у Ирака оружия и агрессивных намерений, представляет собой одну из манипулятивных технологий, призванных «переманить» народ на сторону власть имущих и реализуемую за счет того самого подбора слов, о котором писал Т. ван Дейк.

В связи с использованием манипуляции общественным мнением при переводе очень важно сохранить эти навязчивые повторы, в которых выражена угроза мировому сообществу. В официальном переводе мы видим следующее: «...иракский режим продолжает иметь и прятать некоторые из самых смертоносных вооружений, которые когда-либо были созданы. Этот режим уже применял ОМП против соседних с Ираком стран и против иракского народа. Этот режим печально известен своими безрассудными агрессивными действиями на Ближнем Востоке. Он испытывает глубокую ненависть к Америке и к нашим друзьям; и он помогает и укрывает

террористов, включая боевиков "Аль-Каиды"». Таким образом, переводчику удалось передать общее настроение отрывка, заключающего в себе навязчивую угрозу, тем не менее, мы осмелимся предложить некоторые коррективы. Так, например, в первом предложении мы видим кальку с английского языка «продолжает иметь», которая воспринимается достаточно тяжело в русском языке, более того, структура сложноподчиненного предложения сама по себе усложняет восприятие сравнительно простой фразы. Учитывая вышесказанное, мы предлагаем следующий вариант: «...иракский режим по-прежнему владеет отдельными видами самых смертоносных вооружений, когда-либо созданных человеком, и продолжает их скрывать». Стоит также подчеркнуть, что переводчик очень выгодно использовал прием добавления, трансформировав «reckless aggression» в «безрассудные агрессивные действия», а также смыслового развития, превратив словосочетание «to have a history» в «печально известен».

На основании уже приведенных отрывков мы можем отметить еще одну тенденцию, на которую переводчикам текстов ВПД следует обратить особое внимание: Дж. Буш-младший, упоминая мировое сообщество, в первую очередь, все-таки, обращается к собственной нации, поэтому при перечислении США всегда должны быть названы первыми. Указанную тенденцию можно подтвердить многочисленными примерами: «the United States and other nations», «intelligence gathered by this and other governments», «it has deep hatred of America and our friends», «innocent people in our country or any other» и т.д. При переводе данного выступления переводчику удалось уловить экстралингвистический контекст, который скрывается за данным порядком, поэтому он повсеместно сохранил его в неизменном виде.

Анализируя дальнейший текст выступления, автор отмечает очень яркую развернутую метафору, которую Буш-младший использовал для описания создавшегося положения как кризиса: «Instead of drifting along toward tragedy, we will set a course toward safety. Before the day of horror can come, before it is

too late to act, this danger will be removed». Именно в этих двух предложениях формулируется необходимость так называемых превентивных действий (before it is too late to act), при этом слушателю становится понятно, что решение уже принято (this danger will be removed), и общественное мнение не сможет на него повлиять. В переводе эти предложения звучат так: «Вместо того, чтобы дрейфовать к трагедии, мы возьмем курс на безопасность. Прежде чем для нас настанет день ужаса, прежде чем станет слишком поздно действовать, эта опасность будет устранена». Мы видим, что переводчик решил использовать кальку с английского языка и перевел «to drift» как «дрейфовать», однако в русском языке есть более распространенное словосочетание «плыть по течению», которое смотрится более уместным при переводе данной метафоры: «Вместо того, чтобы плыть по течению навстречу трагедии, мы возьмем курс на безопасность», таким образом, мы снова прибегли к использованию приема смыслового развития. Что касается следующего за ним предложения, то мы предлагаем использовать прием опущения, потому что словосочетание «слишком поздно действовать» выглядит громоздким и избыточным и может быть переведено несколько проще: «Прежде чем для нас настанет день ужаса, прежде чем станет слишком поздно, опасность будет устранена».

Далее внушительная часть выступления президента Буша опять-таки посвящена оправданию того, почему США вынуждены придерживаться именно такого курса, причем эта мысль развивается на протяжении нескольких абзацев и ее можно обобщить следующими цитатами из различных частей выступления, в которых Буш ссылается на те структуры и организации, которые уполномочивают его поступать решительным образом. Более того, Буш также ссылается на неудачные попытки разрешить конфликт мирными средствами:

1. « The United States of America has the sovereign authority to use force in assuring its own national security».

2. « That duty falls to me as Commander in Chief, by the oath I have sworn, by the oath I will keep».

3. « Recognizing the threat to our country, the United States Congress voted overwhelmingly last year to support the use of force against Iraq».

4. « Under Resolutions 678 and 687, both still in effect, the United States and our allies are authorized to use force in ridding Iraq of weapons of mass destruction».

5. « For the last 4 1/2 months, the United States and our allies have worked within the Security Council to enforce that Council's long-standing demands».

6. « Yet, some permanent members of the Security Council have publicly announced they will veto any resolution that compels the disarmament of Iraq. These governments share our assessment of the danger but not our resolve to meet it».

7. « Many nations, however, do have the resolve and fortitude to act against this threat to peace, and a broad coalition is now gathering to enforce the just demands of the world».

8. « The United Nations Security Council has not lived up to its responsibilities, so we will rise to ours».

Столь развернутая часть текста была приведена не случайно, потому что она наглядно демонстрирует еще одну манипулятивную технологию: так, в своей речи Буш, говоря о необходимости военных действий, ссылается сразу на несколько инстанций, которые заинтересованы в происходящем (the United States of America, Commander in Chief, United States Congress, United States and our allies). Перечисляя их в порядке убывания, сначала он упоминает, что военные действия – потребность страны в целом, затем – долг самого Буша в качестве президента, и в довершение всего – единодушное желание Конгресса. Он также упоминает и то, что международный институт в лице ООН наделил мировое сообщество правом использования силы (тем не менее, история показала, что операция 2003 года была проведена в

нарушение международного права), при этом сама ООН не смогла справиться с агрессором. Интересна позиция Буша по поводу тех стран, которые заявляют об использовании права вето в случае попытки принятия резолюции против Ирака: подобные государства, по мнению президента Буша, разделяют точку зрения США и их союзников, но им не хватает храбрости посмотреть в лицо иракской угрозе.

Все эти тонкости и закономерности стоит сохранить при переводе текстов подобного плана: это и есть тот самый экстралингвистический контекст, необходимый для всеобъемлющего понимания текстов ВПД, а, следовательно, создания максимально эквивалентного оригиналу перевода.

Возвращаясь к непосредственному анализу перевода, хотелось бы заострить внимание на предложениях 4 и 5, представленных в списке выше. Так, в переводе предложение 4 выглядит следующим образом: «В соответствии с резолюциями 678 и 687, обе из которых все еще остаются в силе, США и наши союзники имеют полномочия использовать силу для избавления Ирака от ОМП». Как мы можем заметить, переводчик максимально точно воспроизвел грамматическую структуру предложения и постарался подобрать наиболее точные лексические эквиваленты, поэтому суть предложения передана правильно, при этом само оно выглядит довольно громоздко, по нашему мнению. С точки зрения автора, было бы уместно изменить грамматическую структуру предложения и заменить существительное «избавление», использованное в переводе, а также убрать структуру «обе из которых все еще остаются в силе». Таким образом, мы получим следующее предложение: «В соответствии с действующими резолюциями 678 и 687 США и союзники имеют полномочия применять силу для ликвидации оружия массового поражения в Ираке». В отличие от оригинального перевода мы упрощаем структуру предложения, а редко используемое существительное «избавление» заменяем понятием «ликвидация», которое часто встречается в текстах по международным

отношениям. Отдельного внимания заслуживает также предложение 5, которое в официальном переводе звучит следующим образом: «За последние четыре с половиной месяца Соединенные Штаты и наши союзники работали в рамках Совета Безопасности, чтобы принудить Ирак выполнить давнишние требования этого органа». В данном примере очевидна стилистическая ошибка переводчика, использовавшего в тексте официального выступления просторечное слово «давнишний», неуместное в общем контексте. По мнению автора, подобные недочеты серьезно мешают правильному восприятию текста и создают определенный комический эффект. По нашему мнению, более уместный в данном контексте вариант выглядит следующим образом: «За последние четыре с половиной месяца Соединенные Штаты и союзники работали в рамках Совета Безопасности, чтобы принудить Ирак выполнить предыдущие требования этого органа».

Возвращаясь к речи Буша-младшего, мы также обращаем внимание на следующее предложение и его реализацию в переводе: «In recent days, some governments in the Middle East have been doing their part». Из сказанного президентом мы видим, что, по его мнению, некоторые государства на Ближнем Востоке действуют в соответствии с создавшейся внешнеполитической ситуацией. Переводчик интерпретировал это предложение следующим образом: «В последние дни некоторые ближневосточные правительства делают то, что от них требуется». Казалось бы, с точки зрения подбора эквивалентов, в данной ситуации к переводчику не возникает никаких вопросов, однако настроение и общий смысл перевода разительно отходят от оригинала. При чтении текста перевода, представленного на inosmi.ru, складывается ощущение, что США выставляют требования странам Ближнего Востока, а те, в свою очередь, исправно их выполняют. Подобный перевод показывает страны Ближнего Востока в неловком свете, а подтекст, содержащийся в предложении, в определенной ситуации может быть даже оскорбительным. В подобной

ситуации более адекватным выглядит следующий перевод: «В последние дни некоторые государства Ближнего Востока действуют сообразно создавшейся политической ситуации». Таким образом, мы, с одной стороны, сохраняем официальный тон выступления, а с другой стороны, нейтрализуем двусмысленность, которую можно заметить в первом варианте перевода.

Нельзя обойти стороной и ту часть выступления Буша-младшего, в которой он обращается к иракскому народу и иракской армии: «It is not too late for the Iraqi military to act with honor and protect your country by permitting the peaceful entry of coalition forces to eliminate weapons of mass destruction. Our forces will give Iraqi military units clear instructions on actions they can take to avoid being attacked and destroyed». Стоит отметить, что приведенный выше отрывок сам по себе содержит достаточно серьезное противоречие, согласно которому защита родины для иракских военных заключается в беспрепятственном пропуске на собственные земли иностранных солдат. Более того, именно иностранные солдаты будут отдавать приказания иракской армии, а не ее главнокомандующий. Символична и следующая фраза, относящаяся к той же части выступления: «Do not destroy oil wells, a source of wealth that belongs to the Iraqi people». Именно в этом предложении, по сути, раскрывается смысл отношений США со странами Ближнего Востока в целом и его конфликт с Ираком в частности, тем не менее, Буш-младший смещает акцент своего выступления в пользу другого вывода: «The security of the world requires disarming Saddam Hussein now. As we enforce the just demands of the world, we will also honor the deepest commitments of our country». Эти предложения станут логичным завершением анализа параллельных текстов выступления президента Буша, так как содержат без преувеличения все компоненты ВПД. В официальном переводе они выглядят следующим образом: «Безопасность в мире требует разоружения Саддама Хусейна сейчас. Принуждая (Ирак) к выполнению справедливых требований всего мира, мы также будем чтить и самые важные обязательства нашей

страны». Именно обилие компонентов ВПД в данных предложениях составляет наибольшую трудность для переводчика:

Необходимо воспроизвести ощущение ограниченности во времени и восприятие ситуации как кризисной (the security requires now);

Необходимо сохранить противопоставление на уровне «мы-они» (Saddam Hussein – we);

Необходимо подчеркнуть легитимность принимаемых решений (we enforce the just demands of the world).

По нашему мнению, с первой задачей переводчику не удалось справиться в полной мере, так как слово «сейчас» в русском языке имеет достаточно неопределенный характер и зачастую подразумевает довольно длительный временной отрезок, что не только не подчеркивает ограниченность во времени, но и не нагнетает ощущение кризисной ситуации. С точки зрения автора, более благозвучным может быть следующий перевод: «Сохранение безопасности в мире требует незамедлительного разоружения Саддама Хуссейна». Что касается второго предложения, то в нем хотелось бы смягчить деепричастие «принуждая», так как принуждение далеко не всегда ассоциируется с законными действиями: «Способствуя претворению в жизнь справедливых требований мирового сообщества, мы будем чтить важнейшие обязательства нашей страны».

Для более наглядного представления переводческих решений, предложенных автором, мы составили сводную таблицу, позволяющую сравнить предложенные варианты перевода (Таблица 2.1). Ключевые слова, на которые стоит обратить внимание при переводе, выделены в тексте подчеркиванием.

Таблица 2.1 – Сравнительная таблица официального и авторского перевода

Оригинальный текст	Официальный перевод	Авторский перевод
My fellow citizens, events in Iraq have now reached <u>the final days of</u>	Мои соотечественники! События в Ираке сейчас подошли к моменту, когда	События в Ираке достигли <u>точки невозврата</u> , <u>требующей</u>

<u>decision.</u>	<u>в ближайшие дни должно быть принято решение.</u>	<u>незамедлительного принятия решения.</u>
Since then, the world <u>has engaged</u> in 12 years of diplomacy.	С тех пор мир <u>потратил 12 лет</u> на дипломатию.	С тех пор на протяжении 12 лет страны мира <u>предпринимали дипломатические усилия</u> по разрешению конфликта.
...the Iraq regime continues to <u>possess and conceal</u> some of the most lethal weapons ever devised.	...иракский режим продолжает <u>иметь и прятать</u> некоторые из самых смертоносных вооружений, которые когда-либо были созданы.	...иракский режим по-прежнему <u>владеет</u> отдельными видами самых смертоносных вооружений, когда-либо созданных человеком, <u>и продолжает их скрывать.</u>
Instead of <u>drifting along toward tragedy</u> , we will set a course toward safety.	Вместо того, чтобы <u>дрейфовать к трагедии</u> , мы возьмем курс на безопасность.	Вместо того, чтобы <u>плыть по течению навстречу трагедии</u> , мы возьмем курс на безопасность.
Under Resolutions 678 and 687, <u>both still in effect</u> , the United States and our allies are authorized to use force in <u>ridding Iraq</u> of weapons of mass destruction.	В соответствии с резолюциями 678 и 687, <u>обе из которых все еще остаются в силе</u> , США и наши союзники имеют полномочия использовать силу <u>для избавления</u> Ирака от ОМП.	В соответствии с <u>действующими</u> резолюциями 678 и 687 США и союзники имеют полномочия применять силу <u>для ликвидации</u> оружия массового поражения в Ираке.
For the last 4 1/2 months, the United States and our allies have worked within the Security Council to enforce that Council's <u>long-standing demands.</u>	За последние четыре с половиной месяца Соединенные Штаты и наши союзники работали в рамках Совета Безопасности, чтобы принудить Ирак выполнить	За последние четыре с половиной месяца Соединенные Штаты и союзники работали в рамках Совета Безопасности, чтобы принудить Ирак выполнить

	<u>давнишние требования</u> этого органа.	<u>предыдущие требования</u> этого органа.
In recent days, some governments in the Middle East <u>have been doing their part.</u>	В последние дни некоторые ближневосточные правительства <u>делают то, что от них требуется.</u>	В последние дни некоторые государства Ближнего Востока действуют <u>сообразно</u> создавшейся политической ситуации.
The security of the world requires disarming Saddam Hussein <u>now.</u>	Безопасность в мире требует разоружения Саддама Хусейна <u>сейчас.</u>	Сохранение безопасности в мире требует <u>незамедлительного</u> разоружения Саддама Хусейна.
<u>As we enforce</u> the just demands of the world, we will also honor the deepest commitments of our country.	<u>Принуждая</u> (Ирак) к выполнению справедливых требований всего мира, мы также будем чтить и самые важные обязательства нашей страны.	<u>Способствуя</u> <u>претворению в жизнь</u> справедливых требований мирового сообщества, мы будем чтить важнейшие обязательства нашей страны.

2.3 Анализ параллельных текстов обращения Барака Обамы к нации с учетом принципов КДА

Для получения более объективных данных об особенностях ВПД США и способах его перевода мы взяли еще одно обращение к нации, с которым выступил Барак Обама в рамках сирийской ближневосточной кампании, имевшей место спустя 10 лет после вышеупомянутой интервенции в Ирак.

Параллельный текст на русском языке мы нашли на сайте международной некоммерческой организации Сеть Вольтер, отстаивающей свободу слова и принципы отделения церкви от государства. Интересен тот факт, что Сеть Вольтер известна довольно резкими высказываниями в адрес США в целом и ближневосточной политики США в частности. Например, Сеть Вольтер

является одним из сторонников теории заговора, согласно которой атака 11 сентября 2001 года была осуществлена с согласия властей США для получения предлога последующей интервенции в страны Ближнего Востока. Таким образом, отдельный интерес представляет вопрос ангажированности текста перевода, представленного на подобной интернет-платформе.

Как и в предыдущем пункте, в своем анализе мы будем руководствоваться принципами КДА и, где это уместно, анализом экстралингвистического контекста для выявления дискурса доминирования (дискурс, создаваемый и реализуемый в условиях ограниченного доступа к тексту и контексту) и манипулятивных технологий.

Стоит отметить, что с первого абзаца выступления мы видим описание создавшейся военно-политической ситуации как кризиса, что проявляется в таком выражении, как «*what began as a series of peaceful protests against the repressive regime of Bashar al-Assad has turned into a brutal civil war*». В русском варианте текста переводчик удачно использовал прием смыслового развития для перевода конструкции «*has turned into*», в результате чего ее перевод на русский язык выглядит следующим образом: «мирные демонстрации протеста против репрессивного режима Башара Асада переросли в жестокую гражданскую войну». Переводчику удалось не только передать смысл сказанного без искажений, но даже усилить впечатление нагнетания страха.

В том же абзаце Барак Обама переходит к легитимации принятого курса, упоминая тот вклад, который США уже внесли в разрешение сирийского кризиса. Так, президент говорит следующее: «*America has worked with allies to provide humanitarian support, to help the moderate opposition and to shape a political settlement*». Данное предложение, кажущееся на первый взгляд простым, содержит в себе словосочетание «*to shape a political settlement*», которое переводчик сети Вольтер интерпретировал как «Америка вместе с союзниками ... пыталась способствовать политическому регулированию».

Таким образом, данное предложение приобретает двойной смысл из-за глагола «пытаться», потому что, если бы Америка и союзники действительно способствовали политическому регулированию, то все неблагоприятные события, происходящие на Ближнем Востоке, не могли бы рассматриваться как результат вмешательства других стран. Вместе с тем, глагол «пытаться» нивелирует предпринятые странами усилия и частично возлагает на них ответственность за провал мирного урегулирования, т.е. переводчику было бы логичнее перевести данный отрывок как: «Америка и ее союзники оказывали гуманитарную помощь населению, поддерживали умеренную оппозицию и содействовали политическому урегулированию сирийского кризиса». Вместе с тем стоит подчеркнуть, что переводчик очень удачно использовал прием добавления, переведя «to provide humanitarian support» как «оказывать населению гуманитарную помощь» и придав таким образом законченность данному отрывку.

Далее нельзя не обратить внимание на перевод еще одного предложения, служащего описанием ситуации как кризиса: «The situation profoundly changed, though, on August 21st, when Assad's government gassed to death over a thousand people, including hundreds of children». Серьезным промахом со стороны переводчика стало нарушение лексической сочетаемости в отрывке: «правительство Асада насмерть задушило газом более тысячи людей, в том числе сотни детей». Так, в Большом толковом словаре в качестве одного из значений слова «задушить» указывается «отравить, умертвить (о газах, дыме и т.п.)», что в любом случае влечет летальный исход и делает бессмысленным употребление наречия «насмерть». Таким образом, можно было перевести данный отрывок как: «правительство Асада уничтожило в результате газовой атаки более тысячи людей, среди которых были сотни детей». Примечательно, что в том же абзаце Обама описывает ужасающие сцены – последствия газовой атаки на мирных жителей, что напоминает о другом историческом эпизоде известном как «Показания Наиры», когда

лжесвидетельство 15-летней жительницы Кувейта перед конгрессом США помогло Бушу-старшему набрать нужное количество голосов для поддержки кампании 1991 года. Описание сцен насилия и беззакония, творящегося в других странах – излюбленная манипулятивная технология руководителей США, помогающая добрать требуемые политические очки для осуществления собственного курса.

Тем не менее, Обама идет еще дальше, сравнивая газовые атаки в Сирии с применением химического оружия в Первую и Вторую мировые войны. В том числе, Обама констатирует следующее: «Because these weapons can kill on a mass scale, with no distinction between soldier and infant, the civilized world has spent a century working to ban them». Здесь стоит обратить внимание на словосочетание «to kill on a mass scale», которое в опубликованном в сети Вольтер переводе выглядит как «убивать людей массами», что придает данному переводу циничный характер и заставляет читателя отождествлять людей с некими неодушевленными объектами-«массами». Такой перевод может быть воспринят читателем неоднозначно и произвести эффект, обратный требуемому, поэтому очевидна необходимость переформулировать данное высказывание: «Так как данный вид оружия предназначен для массового истребления населения вне зависимости от возраста и рода занятий, цивилизованному миру потребовалось целых сто лет для его запрета». Таким образом, мы также воспользовались приемом генерализации, переведя «with no distinction between soldier and infant» как «вне зависимости от возраста и рода занятий».

Далее Обама снова обращается к легитимации выбранного курса действий в предложениях «And in 1997, the United States Senate overwhelmingly approved an international agreement prohibiting the use of chemical weapons, now joined by 189 government that represent 98 percent of humanity» и «On August 21st, these basic rules were violated, along with our sense of common humanity», в которых он обосновывает необходимость

дальнейших действий. В исследуемом переводе данные предложения выглядят следующим образом: «В 1997 году Сенат Соединенных Штатов подавляющим большинством голосов присоединился к международной договоренности, запрещающей применение химического оружия, к которой на сегодня подключилось 189 правительств, представляющих 98 процентов человечества». Действительно, в лексике международных отношений существует устойчивое словосочетание «присоединиться к соглашению», которое употребляется достаточно часто. Тем не менее, во избежание тавтологии при переводе словосочетания «joined by 189 government» переводчик использовал глагол «подключиться» в нарушение лексической сочетаемости, потому что в русском языке данный глагол зачастую подразумевает физическое подключение к чему-либо (например, к источнику энергии или сети Интернет). Таким образом, мы предлагаем следующий перевод данного предложения: «В 1997 году Сенат США единогласно одобрил присоединение к международному договору, запрещающему использование химического оружия. На настоящий момент данный договор объединяет 189 стран, представляющих 98% населения мира». В данном примере мы не только подобрали другой эквивалент, но и воспользовались приемом парцелляции, разделив одно сложное предложение на два простых.

Отдельного внимания заслуживает также следующее предложение: «On August 21st, these basic rules were violated, along with our sense of common humanity», которое в русском варианте имеет следующий вид: «Двадцать первого августа эти базовые договоренности оказались опрокинутыми вместе с общепринятыми представлениями о человечности». Несмотря на то, что, согласно словарю Ожегова, глагол «опрокинуть» действительно используется в значении «опрокинуть чьи-либо замыслы», тем не менее, в лексике международных отношений он практически не встречается, поэтому сразу бросается в глаза. По нашему мнению, данный отрывок лучше перевести следующим образом: «Двадцать первого августа

основополагающие принципы были попораны вместе с общепринятыми представлениями о человечности». Таким образом, мы не только передали мысль говорящего без искажений смысла, но и усилили эффект от сказанного, использовав высокопарный глагол «попорать» в значении «грубо нарушить».

Говоря об общем настроении текста, мы обращаем внимание на определенное сходство с уже проанализированными речами Дж. Буша-младшего. Так, например, в своем обращении Обама употреблял такие глаголы, как «to know» (в значении to be certain в соответствии с Cambridge dictionary) и отрицательную форму глагола «to dispute» (в значении an argument or disagreement, especially an official one согласно Cambridge dictionary): «We know that Assad regime was responsible» и «No one disputes that chemical weapons were used in Syria». Эти две фразы представляют собой неприкрытые обвинения в адрес сирийского лидера и одновременно попытку легитимации принятого курса. Тема уверенности американских лидеров в обладании противником смертоносного вооружения проходит красной нитью через все ближневосточные кампании США, что можно увидеть на примере речей Буша-младшего: «We know that the regime has produced thousands of tons of chemical agents, including mustard gas, sarin nerve gas, VX nerve gas», «And we know that Iraq is continuing to finance terror and gives assistance to groups that use terrorism to undermine Middle East peace» или «Saddam Hussein had weapons of mass destruction. It's well-known it had weapons of mass destruction».

Сравнивая политические ситуации, в которых пришлось действовать Обаме и Бушу-младшему, мы можем заметить, что, в какой-то степени, Обама стал заложником военно-политического дискурса своего предшественника, поэтому единственным шансом для него прийти к власти было угодить в дискурсивную ловушку – эксплуатацию популярных идей: антивоенного дискурса, который стал доминирующим после агрессивной

политики Буша-младшего. Таким образом, Обама добрал требуемые политические очки благодаря следующим заявлениям в своих выступлениях: «I will not put American boots on the ground in Syria. I would not pursue an open-ended action like Iraq or Afghanistan.» или «I don't think we should remove another dictator with force». Обама, по сути, оказался в патовой ситуации, когда он, с одной стороны, не мог не сделать подобных заявлений, а, с другой стороны, не мог выполнить данных им же обещаний, в связи с чем его рейтинги снижались на протяжении всего президентства.

Возвращаясь к анализу непосредственно перевода, мы переходим к следующему фрагменту: «And a failure to stand against the use of chemical weapons would weaken prohibitions against other weapons of mass destruction», который в переводе выглядит как: «Если мы не поддержим запрет на химическое оружие, будут расшатываться запреты на другие виды оружия массового поражения». Возможно, речь идет об особенности стиля самого переводчика, который зачастую выбирает при переводе глаголы, имеющие значение физического взаимодействия между объектами, как это было уже не раз (расшатывать, опрокидывать, подключаться). Тем не менее, словосочетание «расшатывать запреты» звучит довольно громоздко и неуклюже, поэтому мы предлагаем перевести этот отрывок иначе: «Если мы потерпим неудачу в борьбе с практикой применения химического оружия, то это ослабит запреты на использование прочих видов оружия массового поражения». Говоря об оружии, мы также заметили словосочетание «targeted military strike», которое было переведено как «целенаправленный военный удар». С одной стороны, это калька, которая не мешает восприятию текста, с другой стороны, существует такой термин как «точечный удар», популярный в среде военных и более подходящий к использованию в данном контексте.

Еще один отрывок, заслуживающий внимания, звучит в оригинале следующим образом: «And our ally, Israel, can defend itself with overwhelming

force, as well as the unshakeable support of the United States of America». Переводчик оставил данное предложение в практически неизменной форме: «А наш союзник Израиль способен мощно защитить себя, пользуясь при этом непоколебимой поддержкой Соединенных Штатов Америки». Нельзя не заметить такое словосочетание, как «мощно защитить себя», которое выбивается из контекста. В данном случае эпитет «overwhelming» употребляется в значении «difficult to fight against», однако относится он не к самому Израилю, а к США, которые могут выставить свою военную мощь в поддержку союзника. По сути, переводчик исказил содержание текста, указав, что Израиль сам по себе является обладателем всего необходимого для защиты собственных рубежей, в то время как смысл послания был таков: «Наш союзник – Израиль – может защитить себя благодаря военной мощи и неизменной поддержке Соединенных Штатов Америки». Смысл предложения в таком случае меняется радикально: в нем начинают прослеживаться те самые мессианские настроения США и их роль «мирового жандарма» на международной арене.

В подтверждение этой мысли на протяжении всего текста мы также встречаем следующие метафоры в отношении США: «the world's policeman», «the anchor of global security», которые приводят к легитимации очередной военной кампании благодаря двум ёмким предложениям: «That's what makes America different. That's what makes us essential». Синтаксический параллелизм в последнем абзаце сделал акцент на той самой роли «мирового жандарма», которую играют США, а также, по сути, поставил точку в дискуссии по поводу необходимости очередной военной кампании. Таким образом, мы можем сделать вывод, что именно концепция «американской исключительности», сыграла немаловажную роль в инициировании данного конфликта [Hrnjas, 2015].

По аналогии с предыдущим пунктом мы приводим сводную таблицу (Таблица 2.2), в которой представлен текст оригинала, официальный перевод

и авторский вариант перевода. Ключевые слова, на которые стоит обратить внимание при переводе, выделены подчеркиванием.

Таблица 2.2 – Сравнительная таблица официального и авторского перевода

Оригинальный текст	Официальный перевод	Авторский перевод
America has worked with allies to provide humanitarian support, to help the moderate opposition and <u>to shape a political settlement.</u>	Тем временем Америка вместе с союзниками оказывала населению гуманитарную помощь, поддерживала умеренную оппозицию и <u>пыталась способствовать политическому урегулированию.</u>	Америка и ее союзники оказывали гуманитарную помощь населению, поддерживали умеренную оппозицию и <u>содействовали политическому урегулированию сирийского кризиса.</u>
Assad's government <u>gassed to death</u> over a thousand people, including hundreds of children.	Правительство Асада <u>насмерть задушило газом</u> более тысячи людей, в том числе сотни детей.	Правительство Асада <u>уничтожило в результате газовой атаки</u> более тысячи людей, среди которых были сотни детей.
Because these weapons <u>can kill on a mass scale</u> , with no distinction between soldier and infant, the civilized world has spent a century working to ban them.	И потому, что <u>этот вид оружия убивает людей массами</u> , не различая солдата и младенца, цивилизованный мир в течение целого столетия пытался запретить его.	Так как данный вид оружия <u>предназначен для массового истребления населения</u> вне зависимости от возраста и рода занятий, цивилизованному миру потребовалось целых сто лет для его запрета.
And in 1997, the United States Senate overwhelmingly approved an international agreement prohibiting the use of chemical weapons, now	В 1997 году Сенат Соединенных Штатов подавляющим большинством голосов присоединился к международной	В 1997 году Сенат США единогласно одобрил присоединение к международному договору, запрещающему использование химического

<p><u>joined by 189 government</u> that represent 98 percent of humanity.</p>	<p>договоренности, запрещающей применение химического оружия, к которой на сегодня <u>подключилось 189</u> <u>правительств,</u> представляющих 98 процентов человечества.</p>	<p>оружия. На настоящий момент <u>данный договор</u> <u>объединяет 189 стран,</u> представляющих 98% населения мира.</p>
<p>On August 21st, these <u>basic rules were violated,</u> along with our sense of common humanity.</p>	<p>Двадцать первого августа эти <u>базовые</u> <u>договоренности оказались</u> <u>опрокинутыми</u> вместе с общепринятыми представлениями о человечности.</p>	<p>Двадцать первого августа <u>основополагающие</u> <u>принципы были попораны</u> вместе с общепринятыми представлениями о человечности.</p>
<p>And a failure to stand against the use of chemical weapons <u>would weaken</u> <u>prohibitions</u> against other weapons of mass destruction.</p>	<p>Если мы не поддержим запрет на химическое оружие, <u>будут</u> <u>расшатываться запреты</u> на другие виды оружия массового поражения.</p>	<p>Если мы потерпим неудачу в борьбе с практикой применения химического оружия, то это <u>ослабит запреты</u> на использование прочих видов оружия массового поражения.</p>

2.4 Сравнительно-сопоставительный анализ параллельных текстов выступлений Джорджа Буша-младшего и Барака Обамы

После анализа каждого из выступлений по отдельности мы бы хотели сравнить их между собой, чтобы определить влияние конкретной исторической ситуации на ВПД.

Говоря об историческом контексте обоих выступлений, мы бы хотели еще раз подчеркнуть тот факт, что Бараку Обаме пришлось действовать в гораздо более сложных обстоятельствах, учитывая дурную славу своего предшественника, печально известного кровопролитными военными

кампаниями (в Ираке и в Афганистане). Таким образом, Барак Обама был вынужден еще более тщательно подходить к выбору слов и зачастую избегать самого понятия войны в своих речах, например, «I would not pursue an open-ended action like Iraq or Afghanistan», где словосочетание «an open-ended action» использовалось, чтобы заменить словосочетание «продолжительная военная кампания».

В отличие от предшественника, который не только доказывал американскому народу необходимость этой войны, но и призывал к участию в ней, Барак Обама делал все, что убедить население в минимальном присутствии амеркианских войск на чужой территории. Интересен тот факт, что для того, чтобы убедить народ в диаметрально противоположных идеях, Обама и Буш прибегали к использованию синтаксического параллелизма и анафоры, из чего можно предположить, что в повторах реализуется убеждающая функция ВПД США (Буш: You can volunteer. You can volunteer to help watch neighborhoods. You can volunteer to help neighborhoods become better prepared. You can volunteer for the Red Cross; Обама: I will not put American boots on the ground in Syria. I would not pursue an open-ended action like Iraq or Afghanistan).

Анализ оригиналов и официальных переводов речей Дж. Буша-младшего и Барака Обамы позволил нам прийти к выводу, что, несмотря на кажущуюся простоту подобных выступлений, которые должны быть понятны всем и каждому, они содержат в себе множество «подводных камней», требующих от переводчика не только блестящего знания языка, но и знания экстралингвистического контекста, сопровождающего выступления.

Особую трудность для переводчика составляют те элементы, в которых, по мнению ван Дейка, раскрывается дискурс доминирования, в частности:

- Высказывания с подтекстом и предположения;
- Метафоры;
- Подбор слов.

При этом чаще всего речь идет именно о переводе метафор, которыми изобиловали выступления президентов (одна из самых ярких и развернутых метафор выступления Буша-младшего: *Instead of drifting along toward tragedy, we will set a course toward safety*). Если говорить о подборе слов, то тщательная проработка текста оригинала приводит к проблеме подбора наиболее точного эквивалента для создания адекватного текста перевода, причем зачастую подразумевается использование не только общеупотребительных слов с абстрактным значением (*humanity, dignity, freedom, just demands* и т.д.), но и терминологии, относящейся к военному пласту лексики (*disarmament, mustard gas, sarin nerve gas, chemical weapons*).

Определенную трудность представляют и так называемые высказывания с подтекстом и предположениями, что опять-таки в большей степени характерно для выступления президента Буша (*And we know that Iraq is continuing to finance terror and gives assistance to groups that use terrorism to undermine Middle East peace; Saddam Hussein had weapons of mass destruction. It's well-known it had weapons of mass destruction*). Тем не менее, гораздо сложнее увидеть подтекст, нежели простое предположение, так как именно высказывания с подтекстом требуют от переводчика знания экстралингвистического контекста (аллюзии на войну в Персидском Заливе 1991 года, отсылка к Первой Мировой войне при упоминании химического оружия и т.д.). Правильное восприятие подтекста позволяет переводчику уловить настроение оригинала и, в свою очередь, воссоздать его в тексте перевода.

Перевод военно-политических речей требует безукоризненного внимания к деталям, за которыми скрывается то, что представляет непосредственный интерес для критического дискурс-анализа – стратегии манипулирования общественным сознанием, которые, в большинстве своем, проявляются в текстах ВПД следующими элементами:

1. Описание создавшейся военно-политической ситуации как кризиса;

2. Противопоставление на уровне «мы-они»;
3. Нагнетание чувства страха и ограниченности во времени для принятия решений;
4. Легитимация принятого курса действий.

Анализ текстов речей Джорджа Буша-младшего и Барака Обамы подтвердил, что каждый из этих элементов в той или иной последовательности встречается в обоих выступлениях, что позволяет нам сделать предположение о непременном наличии данных элементов в текстах ВПД, которую можно будет подтвердить или опровергнуть только благодаря анализу корпуса текстов по той же тематике.

Возвращаясь к теме внимания к переводу, стоит отметить, что нельзя пренебрегать, в том числе, такими деталями, как порядок перечисления стран или, например, государственных органов, за счет которых достаточно часто реализуется такой элемент ВПД как легитимация принятого курса действий, поэтому переводчик достаточно жестко связан в выборе слов или даже изменении их порядка.

Необходимо добавить, что учет всех вышеназванных аспектов требуется для создания объективного перевода, предполагающего аналогичное воздействие на аудиторию, воспринимающую оригинальный и переводной варианты текстов. Тем не менее, по многим причинам, в первую очередь политическим, перед переводчиком может стоять иная цель – представить технологии манипулирования общественным сознанием в неприглядном свете для продвижения интересов какого-либо другого лица. В таком случае переводчику по-прежнему необходимо выявить все вышеуказанные элементы ВПД, но их перевод будет осуществляться в зависимости от степени ангажированности заказчика, что само по себе ставит под вопрос правомерность существования подобного перевода.

2.5 Анализ корпуса текстов, посвященных кампании 2003 г.

Данный анализ проводился на материале корпуса текстов, состоящего из 40 различных выступлений Джорджа Буша-младшего и высокопоставленных американских чиновников общей сложностью 69 462 словоупотребления. В целом все тексты данного корпуса можно разделить на несколько категорий по следующим критериям:

1. Выступающий:

Обращения Дж. Буша-младшего;

Выступления высокопоставленных чиновников.

2. Хронотоп:

Выступления на форумах международных организаций;

Выступления в отдельных американских городах;

Выступления в средствах массовой информации.

Собранный корпус подтверждает нашу теорию об элитарности военно-политического дискурса, который формируется в высших эшелонах власти и распространяется посредством СМИ и в рамках выступлений чиновников на высоком уровне. Таким образом, мы сталкиваемся с тем, что ван Дейк называет «контролем над текстом и контекстом дискурса», что впоследствии приводит к возникновению так называемого «дискурса доминирования» [Dijk, 2015].

Все тексты, представленные в данном корпусе, затрагивают период с 7 октября 2002 года по 28 июня 2004 года. Данный временной отрезок был выбран неслучайно, т.к. он охватывает период формирования общественного мнения для проведения военной кампании 2003 года, период инициации кампании и информирования о ее ходе, а также период окончания активной фазы кампании.

Следует отметить, что в каждом из текстов прослеживаются вышеупомянутые компоненты ВПД, а именно:

1. Описание создавшейся военно-политической ситуации как кризиса;
2. Противопоставление на уровне «мы-они»;

3. Нагнетание чувства страха и ограниченности во времени для принятия решений;
4. Легитимация принятого курса действий.

Как показал наш анализ, реализация компонентов ВПД развивалась за счет нескольких идей, впоследствии ставших так называемыми дискурсивными ловушками для самого Буша-младшего:

1. Имеются достоверные данные о наличии у Ирака химического и биологического оружия, Ирак близится к завершению создания ядерного оружия (описание создавшейся военно-политической ситуации как кризиса): например, речь от 7.10.02 «It (Iraq) possesses and produces chemical and biological weapons. It is seeking nuclear weapons»;

2. США – свободное демократическое государство, в то время как в Ираке царит тирания и беззаконие. США должны подарить свободу честному иракскому народу (противопоставление на уровне «мы-они», мессианские идеи США): например, речь от 16.03.03 «We're committed to the goal of a unified Iraq, with democratic institutions of which members of all ethnic and religious groups are treated with dignity and respect»;

3. Ирак уже инициировал несколько войн на Ближнем Востоке, эта страна является убежищем для террористов, поэтому у США нет морального права допустить повторения событий 11 сентября (нагнетание чувства страха и ограниченности во времени): например, речь от 8.10.03 «Yet the possibility remained that he (Saddam Hussein) might use his weapons of mass destruction or that terrorists might acquire such weapons from his regime, to mount a future attack far beyond the scale of 9/11»;

4. США долго ждали, когда инструменты принуждения ООН проявят себя в действии, но т.к. ООН показала свою слабость перед диктатором, США берут на себя принуждение тирана к выполнению справедливых требований мирового сообщества (легитимация принятого курса действий): например,

речь от 17.03.03 «America tried to work with the United Nations to address this threat because we wanted to resolve the issue peacefully».

В исследуемом корпусе текстов мы отметили многое из того, о чем уже шла речь во время анализа выступления Дж. Буша-младшего по поводу инициации военной кампании в Ираке, что позволяет нам выделить следующие лингвистические особенности ВПД США в рамках этой кампании:

1. Использование большого количества тропов (эпитеты, метафоры, сравнения):

Эпитеты: horrible poisons, murderous tyrant, the most bloodiest tyrant, cruel oppressor, oppressed people (5 раз), grave threat (3 раза), homicidal dictator, murderous dictator, brutal dictator (3 раза), aggressive evil, aggressive dictator (3 раза), the rule of terror and torture.

Данные эпитеты, в большинстве своем, характеризовали либо самого Хуссейна, либо оружие, которым он владеет, что говорит об использовании данного тропа для нагнетания чувства угрозы. Как можно заметить из приведенных выше примеров, все эпитеты имеют под собой выраженную негативную коннотацию, производящую сильное впечатление на слушателей. Например, прилагательное «brutal» имеет толкование «cruel, violent and completely without feelings», а прилагательное «murderous» трактуется как «extremely dangerous and likely to commit murder», что практически совпадает с определением прилагательного «homicidal», которое понимается как «likely to murder» (использованные толкования процитированы из Cambridge Dictionary). Таким образом, можно сделать вывод, что используемые эпитеты объединены общим понятием «жестокость» / «violence», под которой понимается «поведение, цель которого – причинить вред кому-либо или убить кого-либо» (Cambridge Dictionary), а, значит, употребление данных эпитетов призвано подчеркнуть идею угрозы применения насилия со стороны диктатора.

Метафоры: Iraq's eleven-year history of defiance, deception and bad faith; a terrible line would be crossed; the United States would resign itself to a future of fear; vast oceans no longer protect us from danger; crucial days lie ahead for the world; the daily miracle of freedom in America.

Как и в случае с использованием эпитетов, подобные метафоры призваны создать ощущение нависшей угрозы и подчеркнуть противопоставление на уровне «мы-они». Таким образом, когда речь идет о характеристике противника, используются слова с негативной коннотацией: «deception» (the act of hiding the truth), «terrible» (very unpleasant or of low quality). В то же время, когда заходит речь о Соединенных Штатах, подчеркивается значимость провозглашенных ими ценностей, которые характеризуются как miracle (an unusual and mysterious event that is thought to have been caused by God) of freedom.

Сравнения: these murderers reveal themselves once more as enemies of the civilized world; if you support a terrorist, if you feed a terrorist, you are just as guilty as the terrorists; it is the natural human desire to resume a quiet life and to put that day behind us, as if waking from a dark dream; peoples of the Middle East share a high civilization, a religion of personal responsibility, and a need for freedom as deep as our own.

В отличие от эпитетов и метафор, сравнения, скорее всего, призваны легитимизировать выбранный курс действий, обосновать необходимость военной кампании. Несмотря на то, что данные примеры представляют отрывки из нескольких речей Буша-младшего, из них можно выстроить достаточно стройную концепцию легитимации действий США на Ближнем Востоке: 1. Подчеркивается глобальность проблемы терроризма, что не позволяет США остаться в стороне; 2. Неудобный режим Хусейна обвиняется в поддержке терроризма, что делает его точно таким же врагом Америки, как и тех, кто совершил теракты 11 сентября; 3. Президент пытается манипулировать чувствами аудитории, апеллируя к естественной

человеческой потребности жить в мире, которого нет на Ближнем Востоке; 4. Населению Ближнего Востока приписываются ценности, которые разделяет население США, считая их неотъемлемым правом каждого человека. Таким образом, сравнения призваны объяснить ситуацию на Ближнем Востоке, используя понятную западному человеку терминологию, чтобы манипулировать мнением общественности.

2. Частое употребление анафоры и синтаксического параллелизма: одинаково начинающиеся предложения акцентируют внимание на словах говорящего и усиливают эффект от сказанного. Эти приемы используются в основном в тех предложениях, в которых речь идет о мессианских установках США. В данном случае употребление анафоры также иллюстрирует манипулятивную технологию, благодаря которой слушателям буквально навязываются идеи выступающего.

We will plan carefully; we will act with the full power of the United States military; we will act with allies at our side, and we will prevail (7 октября 2002 г.).

That is not the America I know. That is not the America I serve. We refuse to live in fear (7 октября 2002 г.).

We will pass through this time of peril and carry on the work of peace. We will defend our freedom. We will bring freedom to others and we will prevail (19 марта 2003 г.).

You're always ready to serve with courage and excellence. You are always ready to place your country's safety above your own (31 марта 2003 г.).

You can volunteer. You can volunteer to help watch neighborhoods. You can volunteer to help neighborhoods become better prepared. You can volunteer for the Red Cross (31 марта 2003 г.).

Saddam Hussein continues to play games with the international community. He continues to refuse real interviews with the scientists. He continues to hide his weapons to try to deceive the inspectors (14 марта 2003 г.).

Наш анализ показал, что большинство из данных отрывков касаются легитимации принятого курса действий и навязывают простому населению не только одобрение этой войны, но и активное участие в ней на благо родины, представляя войну в Ираке, как личный долг каждого («you can volunteer»), при этом Буш неизменно подчеркивает удачный исход этой войны, в которой правда – за Соединенными Штатами Америки, что особенно заметно в предложениях, в которых синтаксический параллелизм достигается за счет повторения глаголов, употребляемых в простом будущем времени, что в то же время демонстрирует уверенность говорящего в том, о чем идет речь.

3. Использование той части лексики военного дискурса, которая относится к вооружению, что делается в целях нагнетания чувства угрозы и ограниченности во времени. Так, например, в 40 отрывках, составивших корпус текста по данной кампании, словосочетание *weapons of mass destruction* встретилось 61 раз. В целом можно выделить употребление следующей лексики: *weapons of mass destruction; chemical and biological weapons; nuclear weapons; mustard gas; sarin nerve gas; VX nerve gas; ballistic missiles; fleet of manned and unmanned aerial vehicles; bomb-making; bomb; uranium; no-fly zones; weapons of mass murder; disarmament; selected targets of military importance; naval and air bases; deployment of combat units; Army, Air Force, Navy, Coast Guard, Marines; mines; missiles; theater of operations; high-tech munitions; ground war; air superiority; missile launch areas, armored vehicle, Abrams tank* и т.д.

Таким образом, при помощи данного пласта лексики, с одной стороны, Буш-младший нагнетает чувство угрозы, перечисляя смертоносное вооружение, которым владеет (или считается, что владеет) противник, с другой стороны, взывает к чувству патриотизма, перечисляя роды войск США, проявляющие доблесть и отвагу на враждебном фронте, и докладывает, какие меры уже были приняты для предотвращения агрессии со

стороны диктатора (например, введение так называемых «no-fly zones» для создания безопасного воздушного пространства над Ираком).

4. Использование лексики, относящейся к тематике «терроризм». Еще одним важным элементом ВПД США, начиная с 2001 года, становится тематика терроризма и, соответственно, лексика, связанная с терроризмом. Достаточно упомянуть, что отсылка к событиям 9 сентября 2001 года встречалась в данном корпусе текстов более 35 раз, что говорит об отождествлении темы войны в Ираке и борьбы с терроризмом практически в каждом из выступлений президента. В рамках данного корпуса текстов мы встретили следующую лексику тематики «терроризм»: *terrorist groups, terrorism, terror, terror organizations, terrorist network* и т.д. В общей сложности, слова с корнем «terror» встречались в выступлениях президента 332 (!) раза, что говорит о том, что в среднем в каждом выступлении мы могли встретить 8.3 слова на данную тему. Согласно исследованиям, проведенным представителями Принстонского университета в США [Gershkoff, 2005], решающее значение в одобрении войны в Ираке 2003 года имело именно отождествление Ирака и борьбы с международным терроризмом, что является закономерным последствием истерии 2001 года, последовавшей за террористической атакой на Всемирный Торговый Центр. Примеры, подтверждающие данное предположение, можно встретить в следующих отрывках: «And we know that after September the 11th, Saddam Hussein's regime gleefully celebrated the terrorist attacks on America» (речь от 7 октября 2002 года), «After our nation was attacked on September the 11th, 2001, America made a decision: We will not wait for our enemies to strike before we act against them» (речь от 31 марта 2003 года), «The battle of Iraq is one victory in a war on terror that began on September the 11, 2001 -- and still goes on» (речь от 1 мая 2003 года), «On September the 11th, 2001, America, Britain and all free nations saw how the ideologies of hatred and terror in a distant part of the world could bring violence and grief to our own citizens» (речь от 17 июля 2003 года).

Только по прошествии длительного периода времени, когда ужас перед событиями прошлого постепенно вытеснили разумные доводы о пагубности ближневосточной кампании, последовала первая конструктивная критика курса Буша-младшего и первые разоблачения тех манипулятивных технологий, к которым он прибегал в своих выступлениях.

Таким образом, мы подтверждаем наше предположение о том, что в ВПД преобладает его политическая составляющая, в которой реализуются элементы ВПД, связанные с ораторским искусством, тем не менее, бесспорна и значительная военная составляющая данных текстов, конечная цель которых – инициация и легитимация военных действий.

Компоненты ВПД, которые мы уже неоднократно упоминали в ходе работы, зачастую раскрывались в тексте с использованием одних и тех же идей, развивавшихся на протяжении всей кампании.

Первый компонент ВПД, о котором пойдет речь, - описание военно-политической ситуации как кризиса, который заключался во владении Ираком смертоносным вооружением. Следующие примеры наглядно иллюстрирует, что эта идея, повторяемая как мантра, стала лейтмотивом кампании 2003 года, а впоследствии – дискурсивной ловушкой, которая обернулась против Буша-младшего несколькими годами позже.

«The Iraqi regime has violated all of those obligations. It possesses and produces chemical and biological weapons. It is seeking nuclear weapons» (7 октября 2002 г.). В данном предложении очень четко видна разница между использованием в английском языке простого настоящего и настоящего длительного времени. Благодаря тонкому разграничению временных промежутков, характерному для европейских языков, мы видим, что в противопоставление химическому и биологическому оружию, которые уже есть у иракского режима, угрозу представляет стремление Саддама Хусейна разработать ядерное оружие, что подчеркивается употреблением настоящего длительного времени.

«The dictator of Iraq and his weapons of mass destruction are a threat to the security of free nations» (16 марта 2003 г.). В данном предложении акцент делается не на разнообразии видов вооружений, имеющихся в Ираке, а на диктаторскую природу иракского режима. Таким образом, чувство угрозы нагнетается за счет отождествления диктатора (someone who rules a country with complete power, has complete control over the armed forces, and destroys any political opposition) и обладания им оружия, так как в самом толковании слова «диктатор» подчеркивается его склонность к разрушению.

«Intelligence gathered by this and other governments leaves no doubt that the Iraq regime continues to possess and conceal some of the most lethal weapons ever devised» (17 марта 2003 г.). В данной фразе уверенность президента в том, что он говорит, подтверждается словосочетанием «leaves no doubt» вкупе с последующими обвинениями во владении и сокрытии «одних из самых смертоносных видов вооружений».

«I mean, Iraq had a weapons program. Intelligence throughout the decade showed they had a weapons program» (9 июня 2003 г.).

Судя по датам выступлений, мы можем видеть, что этот дискурс предшествовал военной кампании, сопровождал военные действия и даже после завершения кампании произносился неоднократно в качестве главного мотива инициации военного вмешательства. Таким образом, сопоставление диктатора и располагаемого им смертоносного вооружения создавало у общественности впечатление о Саддаме Хусейне как о психически неуравновешенной личности, которая в любой момент может нажать на красную кнопку.

Впоследствии Пол Вальдман – журналист, ведущий колонку в американском издании The Week, напишет статью «Джордж Буш не просто лгал о войне в Ираке. Он поступал гораздо хуже», в которой дискурс президента будет обращен против него самого, что является примером так называемого «эффекта бумеранга», когда дискурс создается с

определенными целями (инициация военной кампании) и на непродолжительный срок (время проведения военной кампании).

Второй компонент ВПД - противопоставление на уровне «мы-они», согласно которому США – свободное демократическое государство, являющееся примером для государств всего мира и стремящееся «подарить» демократию другим странам. Следует отметить, что на протяжении всего корпуса слова, имеющие корень «free», встречались 385 раз, таким образом, в среднем, в каждом из 40 отрывков подобное слово могло встретиться 9.65 раз. Также, в качестве одного из наиболее частотно употребляемых слов мы можем выделить излюбленное американцами слово *democrasy*, которое встречалось на протяжении корпуса текстов 88 раз. Таким образом, мы можем проследить дихотомию на уровне таких понятий, как *democrasy* и *freedom*, с одной стороны, которые противопоставляются словам *dictator* (было употреблено 58 раз), *oppression* (13 раз) и *tyranny* (20 раз), с другой стороны, что подтверждается следующими отрывками:

«If military action is necessary, the United States and our allies will help the Iraqi people rebuild their economy and create the institutions of liberty in a unified Iraq at peace with its neighbors» (7 октября 2002 г.).

«And our mission is clear, to disarm Iraq of weapons of mass destruction, to end Saddam Hussein's support for terrorism, and to free the Iraqi people» (22 марта 2003 г.).

«And thanks to the courage and might of our military, the Iraqi people are free» (24 апреля 2003 г.).

«And the Iraqi people are now free and are learning the habits of freedom and the responsibilities that come with freedom» (9 июня 2003 г.).

Как и в предыдущем случае, данные выступления предваряли, сопровождали, а впоследствии пытались оправдать данную военную кампанию.

Третьим компонентом ВПД США является идея ограниченности во времени и невозможности бездействия в сложившейся политической обстановке. Само слово *time* встречалось 163 раза на протяжении всего корпуса, что подтверждает давление на общественное мнение и необходимость заручиться его поддержкой, что видно в следующих примерах:

«But we are in the final stages, because, after 12 years of failing to disarm him, now is the time when we have to decide» (16 марта 2003 г.).

«And history will show, history -- time will prove that the United States made the absolute right decision in freeing the people of Iraq from the clutches of Saddam Hussein» (9 июня 2003 г.).

«Saddam is the only tyrant of our time not only to possess weapons of mass destruction ... but to use them in acts of mass murder» (8 октября 2003 г.).

«It will surely be said of our times that we lived with great challenges. Let it also be said of our times that we understood our great duties, and met them in full» (19 марта 2004 г.).

Из выступления в выступление Дж. Буш-младший подчеркивает важность происходящего здесь и сейчас, что проявляется в следующих словах: «we are in the final stages (по аналогии с «the final days of decision»)» и «now is the time when we have to decide». Таким образом, конструкция «have to do something» в сочетании с «now is the time» подчеркивает вынужденный характер принятия решения в обстоятельствах нехватки времени. До непосредственной кампании президент настаивал на том, что настало время для принятия важных решений, после военных действий тема времени в его дискурсе обратилась в инструмент легитимации уже совершенных действий, правильность которых будет подтверждена временем («time will prove that the United States made the absolute right decision»). Также подчеркивалось, что Саддам Хуссейн – уникальная фигура для современного общества, единственный тиран своего времени, которому нет места в цивилизованном

мире, при этом все, что происходит на глазах общественности связано с тем, что настало время «великих испытаний» («great challenges»), которое требует от простого народа осознания «великого долга» («great duties»).

Четвертый компонент ВПД кампании 2003 года – идея легитимации принятого политического курса. Следует обратить внимание на словосочетание «just demands», которое 5 раз встречалось на протяжении корпуса текстов и в котором прилагательное «just» трактуется как «fair, morally correct». Именно благодаря этому словосочетанию, а также ссылке на бездействие международных организаций во главе с ООН США провозгласили себя исполнителями «справедливых требований» всего мира, которые, по их мнению, заключались в разоружении Саддама Хуссейна и свержении его режима. Это проявляется, например, в речи Джорджа Буша-младшего от 31 марта 2003 года: «Our victory will uphold the just demands of the United Nations and the civilized world». Таким образом, утверждая, что Соединенные Штаты действуют в угоду ООН и всему цивилизованному миру, США не только легитимизируют свои действия в Ираке, но, по сути, снимают с себя ответственность за все неблагоприятные последствия, связанные с данной кампанией. Характерно то, что зачастую для выражения одних и тех же идей Буш-младший и высшие чиновники прибегают к одним и тем же выражениям (grave threat, just demands, freedom and ...). Данный пример является наглядной иллюстрацией дискурсивной ловушки, которая называется «эксплуатация популярных идей», когда Дж. Буш-младший облекает традиционные для американцев ценности и придает им новый смысл, чтобы использовать их для достижения конкретной цели – инициации и оправдания военной кампании в Ираке в 2003 г. В данном случае традиционными ценностями выступают мессианские представления о роли США в мире, а также такие понятия, как свобода, демократия и права человека, что подтверждается словами самого Буша в его речи,

произнесенной 1 мая 2003 г.: «Our commitment to liberty is America's tradition -
- declared at our founding».

«It will surely be said of our times that we lived with great challenges. Let it
also be said of our times that we understood our great duties, and met them in full»
(31 марта 2003 г.).

«And we resolved to oppose these threats by promoting freedom and
democracy in the Middle East, a region that has known so much bitterness and
resentment» (17 июля 2003 г.).

«As we enforce the just demands of the world, we will also honor the deepest
commitments of our country» (17 марта 2003 г.).

«Many nations, however, do have the resolve and fortitude to act against this
threat to peace, and a broad coalition is now gathering to enforce the just demands
of the world» (17 марта 2003 г.).

Отдельного внимания также заслуживают ключевые слова данного
корпуса текста, которые мы выделили при помощи инструмента Extractor и
получили следующую картину:

1. Nations;
2. Security;
3. Terrorists;
4. Weapons;
5. Mass destruction;
6. Security council.

Программа «Extractor» была разработана на базе Национального научно-
исследовательского совета Канады и впоследствии привлекала внимание
фирмы DBI Technologies, которая занимается выпуском программного
обеспечения. Пробная версия программы, предназначенная для частного
использования с целью обработки текстов небольшого объема, доступна на
одноименном сайте: extractor.com. Программное обеспечение DBI Extractor
предназначено для автоматического извлечения содержимого документа в

виде ключевых слов и фраз. Программа использует технологию резюмирования, таким образом, система прочитывает текст так, как это сделал бы человек, а затем формирует список ключевых слов. Данная программа может мгновенно обрабатывать тексты любых объемов и тем и извлекать из них ключевые фразы, которые не только встречаются в документе, но и отражают его смысл и контекст. Механизм резюмирования не требует обучения, настройки или вмешательства человека. В качестве одного из возможных примеров использования данной программы указывается борьба с терроризмом, так как Extractor может помочь в распознавании текстов террористической тематики.

Исходя из выделенных системой ключевых слов, общая концепция корпуса текстов действительно подтверждается. Говоря о понятии «nations», его использование связано с осознанием международного кризиса не только США, но и странами мира, а также ролью США и их союзников в наведении порядка на мировой арене, что видно на следующих примерах: «We're working with a broad coalition of nations that understand the threat and our shared responsibility to meet it» (речь от 1 мая 2003 года), «We brought greater security to people of all nations» (речь от 7 мая 2003 года), «The close partnership between the United States and Great Britain has been and remains essential to the peace and security of all nations» (речь от 17 июля 2003 года). В связке с понятием «nations» в предыдущих примерах нам встречалось понятие «security», которое зачастую употреблялось для подчеркивания роли США и коалиции в деле обеспечения глобальной безопасности.

Неразрывно связаны также и следующие три понятия: «terrorists», «weapons» и «mass destruction», так как их можно встретить даже в рамках одного предложения, как мы это видим в следующем предложении: «Yet the possibility remained that he (Saddam Hussein) might use his weapons of mass destruction or that terrorists might acquire such weapons from his regime, to mount a future attack far beyond the scale of 9/11» (речь от 8 октября 2003 года)

или «The greatest threat of our age is nuclear, chemical, or biological weapons in the hands of terrorists, and the dictators who aid them». В последнем примере четко сформулирована основная концепция ближневосточных кампаний США, главным мотивом которых становится борьба с терроризмом и поддерживающими терроризм режимами, а также борьба с попаданием оружия массового поражения в руки террористов.

Что касается словосочетания «security council», то оно встречалось на протяжении корпуса текстов 59 раз и зачастую произносилось в контексте невозможности обеспечить мировой порядок силами Совета Безопасности ООН, как это сказано в следующем предложении: «But understand from our perspective and from the perspective of the security of the world, we cannot simply go back to the Security Council, for this discussion to be superseded by that discussion, to be superseded by another discussion» (речь от 16 марта 2003 года) или «The United Nations Security Council has not lived up to its responsibilities, so we will rise to ours» (речь от 17 марта 2003 года). Таким образом, США и их союзники по коалиции, в частности, Великобритания и Испания, легитимизировали свои действия на Ближнем Востоке, совершаемые в обход резолюций и устава ООН.

Можно сделать вывод, что инструмент Extractor достойно справился с поставленной задачей, так как по ключевым словам мы можем воедино собрать концепцию всего корпуса текстов, главная идея которого состояла в том, что США и страны коалиции берут на себя ответственность за безопасность на мировой арене и готовы бороться с угрозой терроризма и оружия массового поражения, если Совет Безопасности ООН не может справиться с поставленными перед ним задачами.

2.6 Анализ корпуса текстов, посвященных ближневосточной политике Барака Обамы (2011 – 2015 гг.)

Для более объективного изучения характеристик, присущих ВПД США, мы собрали еще один корпус текстов, посвященных ближневосточной

политике следующего президента США – Барака Обамы. Данный корпус текстов, несмотря на то что он охватывает большой промежуток времени, меньше по объему и насчитывает 31 175 словоупотреблений, что во многом объясняется дистанцированием Барака Обамы от внешней политики своего предшественника, которое принесло ему победу на президентских выборах 2008 г.

Как и в случае с предыдущим корпусом текстов, все тексты данного корпуса можно разделить на несколько категорий по следующим критериям:

1. Выступающий:

Обращения Барака Обамы;

Выступления высокопоставленных чиновников;

Статьи журналистов в проправительственных СМИ.

2. Хронотоп:

Выступления на форумах международных организаций;

Выступления в отдельных американских городах;

Выступления в средствах массовой информации.

Как можно заметить, в отличие от предыдущего корпуса данный корпус содержит также статьи журналистов в проправительственных СМИ, которые мы включили, чтобы увеличить количество анализируемого материала, т.к. со стороны высокопоставленных чиновников было гораздо меньше заявлений, чем в случае с администрацией Буша-младшего.

Исследуемый корпус текстов снова подтверждает нашу теорию об элитарности ВПД, так как список лиц, формирующих данный тип дискурса, строго ограничен, о чем, по сути, говорит сам Барак Обама в одном из своих выступлений: «And I will continue to provide updates to the American people as we get more information» (речь от 30 августа 2013 года). Таким образом, президент возлагает на себя ответственность за информирование населения о ходе сирийской кампании. Даже если речь идет о материалах СМИ, то в них

журналисты так или иначе ссылаются на президента, госсекретаря или пресс-секретаря администрации.

Следует отметить, что, несмотря на единую концепцию текстов исследуемых корпусов, мы заметили одно принципиальное отличие, которое заключается в неоднократном упоминании Барака Обамы о дистанцировании от политики своего предшественника, что мы можем видеть на следующих примерах: 1. My Administration's draft AUMF would not authorize long-term, large-scale ground combat operations like those our Nation conducted in Iraq and Afghanistan;

2. And in no event are we considering any kind of military action that would involve boots on the ground; that would involve a long-term campaign (речь от 30 августа 2013 года);

3. Again, I repeat, we're not considering any open-ended commitment. We're not considering any boots-on-the-ground approach (речь от 30 августа 2013 года);

4. As I told our troops yesterday, we can join with allies and partners to destroy ISIL without American troops fighting another ground war in the Middle East (речь от 18 сентября 2014 года);

5. As the President has said, repeatedly, this will not be Iraq or Afghanistan. There will be no American boots on the ground—period (речь от 9 сентября 2013 года).

Как мы можем заметить, больше всего в администрации Барака Обамы боялись отождествления с военной политикой Джорджа Буша-младшего на Ближнем Востоке. Этим также объясняется гораздо меньшее количество выступлений самого Барака Обамы относительно действий США в Сирии. Тем не менее, общая канва выступлений практически точь-в-точь совпадает со сценарием скандальной иракской кампании:

1. Режим Асада обвиняется в жестокости по отношению к сирийскому населению, как когда-то Саддам Хусейн обвинялся в геноциде собственного

народа (Their homes and schools have been bombed out of existence by Syrian President Bashar Al-Assad's merciless regime; The challenge we've had in Syria is that the President there, Bashar al-Assad, has been so destructive towards his own people) – описание ситуации как кризиса;

2. Режим Асада обвиняется во владении оружием массового поражения, в частности, химическим оружием (we've released our unclassified assessment detailing with high confidence that the Syrian regime carried out a chemical weapons attack that killed well over 1,000 people, including hundreds of children; Our intelligence shows the Assad regime and its forces preparing to use chemical weapons) – описание ситуации как кризиса;

3. ООН обвиняется в неэффективности используемых инструментов принуждения диктатора, что дает право США действовать в обход международной организации, как это было в 2003 году (If we cannot agree even on this, then it will show that the United Nations is incapable of enforcing the most basic of international laws; I'm comfortable going forward without the approval of a United Nations Security Council that, so far, has been completely paralyzed and unwilling to hold Assad accountable) – легитимация принятого политического курса США;

4. США боятся попадания оружия массового поражения в руки террористов, что может привести к повторению событий 11 сентября 2001 года (In addition, given the situation on the ground in Syria, this dangerous arsenal was at risk of capture by or transfer into the hands of extremists; And it increases the risk that chemical weapons will be used in the future and fall into the hands of terrorists who might use them against us) – противопоставление на уровне «мы-они».

Таким образом, Барак Обама не смог избежать дискурсивной ловушки, о которой мы уже упоминали ранее. Ему удалось прийти к власти благодаря эксплуатации популярных идей и его антивоенному дискурсу, однако внешнеполитическая ситуация диктовала свои условия, в которых он

действовал в русле традиционной внешней политики США с их ролью мирового жандарма.

Что касается лингвистических особенностей текстов данного корпуса, то они во многом совпадают с теми приемами, которые были использованы для дискурса кампании 2003 года, среди них можно выделить:

1. Употребление эпитетов и метафор.

Эпитеты: merciless regime, president Al-Assad's attacks have been horrific and devastating, awful weapons, dangerous arsenal, ghastly August 21 attack, horrific images, to be gassed on a terrible scale, terrible images of the dead, unspeakable outrage, ferocious brutality, disgraceful attacks, brutal and unjust crackdown, unspeakable assault, campaign of killing and crimes, abhorrent brutality, relentless brutality, horrifying reports, outrageous and deplorable actions, barbaric use of chemical weapons.

Данные эпитеты используются для характеристики режима Башара Асада и несут в себе исключительно отрицательную коннотацию, более того, мы можем заметить, что многие из этих эпитетов повторяются. Так, прилагательное horrific (so bad as to be shocking) в общей сложности встречалось на протяжении всего корпуса текстов 9 раз, прилагательное terrible (very unpleasant or serious or bad) – 7 раз, а слова с корнем «brutal», о которых мы упоминали ранее в отношении предыдущего корпуса текстов, - 13 раз. Таким образом, перечисленные нами эпитеты призваны создать ощущение кризиса и провести четко противопоставление между «безжалостным режимом» сирийского президента и цивилизованным миром.

Метафоры: your home has become the crucible for your greatest fears; perilous journeys on fierce seas; But what's happened with this radical, violent extremism is that it's metastasized and it's spread to other areas; a magnet for jihadists throughout the region; This blood, and these atrocities, are on their hands; In a world with many dangers, this menace must be confronted.

Метафоры, так же, как и эпитеты, продолжают создавать ощущение кризиса, требующего неотложного вмешательства. Посредством метафор предпринимается попытка описать состояние людей, живущих в стране, угнетаемой тираном, а обстановка в ней сравнивается со смертельной болезнью, метастазы от которой распространяются по всему телу. Как и в случае с эпитетами, метафоры характеризуют исключительно происходящее в Сирии. В отличие от предыдущего корпуса, в речах Обамы нет столь выраженного противопоставления на уровне «мы-они», при этом сирийский режим описывается исключительно в мрачных красках, чтобы убедить население США не оставаться равнодушными к чужой беде.

Сравнения: We hadn't seen an attack like that since Pearl Harbor; like many, I understand the public skepticism over using military force, particularly in this part of the world. Говоря о сравнениях, хотелось бы отметить отождествление атаки на Перл-Харбор и газовой атаки в Сирии, потому что это – очередной пример манипулятивной технологии, присущей ВПД США, когда проводятся параллели с историческими событиями, понятными для западного человека, чтобы заслужить расположение аудитории (Перл-Харбор, Первая мировая война, Война в персидском заливе при участии войск коалиции и т.д.).

2. Употребление анафоры и синтаксического параллелизма: Their homes and schools have been bombed out of existence by Syrian President Bashar Al-Assad's merciless regime. Their lives have been imperiled by ISIL and terrorism; It's time for this suffering and killing to stop. It's time for the immediate and full implementation of all terms of the Arab League agreement, including the full withdrawal of security forces, the release of political prisoners, and unfettered access by monitors and international media to all parts of Syria. It's time for the Syrian people to have the universal rights that they deserve; Failing to respond to this outrage also threatens our national security. Failing to respond means more and more Syrians will die from Assad's poisonous stockpiles. Failing to respond makes our allies and partners in the region tempting targets of Assad's future

attacks. Failing to respond increases the risk of violence and instability as citizens across the Middle East and North Africa continue to struggle for their universal rights.

Анализируя приведенные примеры, мы можем увидеть, что за счет употребления анафоры и синтаксического параллелизма реализуются такие компоненты ВПД, как описание ситуации как кризиса и нагнетание чувства ограниченности во времени. Например, повторение конструкции «it's time for» призвано подчеркнуть неотложность разрешения создавшегося положения («Настало время для...»), а неоднократное использование «failing to respond» содержит в себе угрозу того, что на американский народ ляжет бремя последствий за бездействие в Сирии. Повторяющиеся словосочетания и единообразная структура предложений помогают акцентировать внимание слушателя на требуемой мысли, а также с большей вероятностью заставят аудиторию прислушаться к тому, что хочет донести выступающий. Что характерно, синтаксический параллелизм и анафора используются в речах не только президентами, но и членами их администрации, что позволяет сделать предположение о том, что данные приемы – характерная черта ВПД США в целом.

3. Использование лексики ВПД, которая относится к вооружению и ведению боевых действий: a systematic campaign of airstrikes, authorization for the use of military force, ground combat operations, special operations forces, kinetic strikes, chemical weapons, airmen, tanks, rifles, Commander-in-Chief, servicemembers, airpower, men and women in uniform, chemical weapons stockpiles, sarin, mustard, chemical agent, proliferation of weapons of mass destruction, targeted airstrikes, chemical warfare, troops, warheads, rockets, limited military strikes, conventional weapons, non-lethal assistance, Supreme Military Council и т.д.

4. Использование лексики, относящейся к теме терроризма: terrorism, terrorist organizations, terrorist ideology, terrorist networks, terrorist targets, terrorist group, terror, terrorize, counterterrorism и т.д.

Учитывая, что на протяжении 20 выступлений слова с корнем «terror» встречались 43 раза, а словосочетание «chemical weapons» встречалось 118 раз, можно предположить, что использование лексики военного характера, а также лексики, относящейся к терроризму, стало одним из ключевых элементов устрашения в военно-политическом дискурсе США.

По аналогии с предыдущим корпусом текстов мы решили воспользоваться инструментом Extractor, чтобы сравнить ключевые слова обоих корпусов. Для данного корпуса текстов мы получили следующие ключевые слова:

1. United States;
2. Security;
3. Nations;
4. Chemical weapons;
5. ISIL;
6. National security;
7. International community.

Мы можем заметить, что понятия «security» и «nations» являются ключевыми для обоих корпусов, как и тема обвинения недружественного режима в обладании оружием массового поражения (в данном корпусе уточняется, что это – химическое оружие). Понятие «террористы», которое Extractor выделил ключевым для предыдущего корпуса текстов, также обретает конкретные очертания и превращается в ISIL (ИГИЛ), а вот «united states», «national security» и «international community» не являются ключевыми словами предыдущего корпуса текстов. Это может быть связано с тем, что изменить общественное мнение в пользу сирийской кампании было гораздо сложнее после признанных провальными миссий США в Ираке

и Афганистане, отсюда вытекает частое напоминание Обамы о том, что сирийский вопрос напрямую связан с национальной безопасностью самих США, а также международного сообщества в целом.

2.7 Сравнительно-сопоставительный анализ корпусов текстов по кампании 2003 года и 2011 года

С учетом проведенного анализа корпусов текстов мы решили сравнить языковые средства, к которым прибегали Джордж Буш-младший и Барак Обама в своих выступлениях (Таблица 2.3).

Таблица 2.3 – Сравнительная таблица языковых средств

Кампания 2003 года	Кампания 2011 года	Выводы
Эпитеты		
<p><u>horrible</u> poisons, <u>murderous</u> tyrant, <u>the most bloodiest</u> tyrant, <u>cruel</u> oppressor, <u>oppressed</u> people, <u>grave</u> threat, <u>homicidal</u> dictator, <u>murderous</u> dictator, <u>brutal</u> dictator, <u>aggressive</u> evil, <u>aggressive</u> dictator, the rule <u>of terror and torture</u></p>	<p><u>merciless</u> regime, president Al-Assad's attacks have been <u>horrific</u> and <u>devastating</u>, <u>awful</u> weapons, <u>dangerous</u> arsenal, <u>ghastly</u> August 21 attack, <u>horrific</u> images, gassed on a <u>terrible</u> scale, <u>terrible</u> images of the dead, <u>unspeakable</u> outrage, <u>ferocious</u> brutality, <u>disgraceful</u> attacks, <u>brutal</u> and <u>unjust</u> crackdown, <u>unspeakable</u> assault, campaign of killing and crimes, <u>abhorrent</u> brutality, <u>relentless</u> brutality,</p>	<p>Как мы можем видеть, в кампании 2003 года преобладают эпитеты, характеризующие самого Саддама Хусейна и, в частности, делающие акцент на его одержимости убийствами, что, с одной стороны, можно отнести к описанию ситуации как кризиса, а с другой – к противопоставлению на уровне «мы-они». В кампании 2011 года акцент смещается с исполнителя (Башара</p>

	<p><u>horrifying</u> reports, <u>outrageous</u> and <u>deplorable</u> actions, <u>barbaric</u> use of chemical weapons</p>	<p>Асада) на его действия (attacks, actions, campaign) и их последствия (images, reports), а также некие абстрактные негативные качества, приписываемые другой стороне. Таким образом, мы можем сделать вывод, что Обама более осторожен в своих высказываниях, чем его предшественник, в открытую обвинявший Саддама Хуссейна, однако он делает упор на описание создавшейся ситуации как кризиса, обращаясь к сценам войны и оружию, располагаемому противником.</p>
<p>Метафоры</p>		
<p>1. <u>Iraq's</u> eleven-year history of defiance, deception and bad faith; 2. a terrible line would be</p>	<p>1.1. your home has become <u>the crucible for your greatest fears</u>; 1.2. perilous journeys on</p>	<p>Метафоры, используемые в кампании 2003 года, отличаются большим</p>

<p>crossed;</p> <p>3. <u>the United States</u> would resign itself to a future of fear;</p> <p>4. vast oceans no longer protect us from danger;</p> <p>5. crucial days lie ahead for the world;</p> <p>6. the daily miracle of <u>freedom in America</u></p>	<p>fierce seas;</p> <p>1.3. But what's happened with this radical, violent <u>extremism</u> is that <u>it's metastasized</u> and <u>it's spread to other areas</u>; <u>a magnet for jihadists</u> throughout the region;</p> <p>1.4. This <u>blood</u>, and these <u>atrocities</u>, are <u>on their hands</u>;</p> <p>1.5. In a world with many dangers, this menace must be confronted</p>	<p>разнообразием и характеризуют: 1. Ирак как нарушителя международного права (первая метафора); 2. Создавшееся положение на мировой арене как кризис (метафоры 2,4,5); 3. США как особую страну на мировой арене (метафоры 3,6) – противопоставление на уровне «мы-они».</p> <p>В то время, как кампания 2011 года содержит метафоры-угрозы (1.1 – 1.5), подчеркивающие опасность экстремизма и описывающие создавшуюся ситуацию как кризис. Таким образом, используемые метафоры так же подтверждают, что Барак Обама более аккуратен в выборе слов и избегает частых открытых обвинений в</p>
--	--	--

		адрес противника, предпочитая нагнетать чувство страха на население.
Анафора/синтаксический параллелизм		
<p><u>We will plan</u> carefully; <u>we will act</u> with the full power of the United States military; <u>we will</u> <u>act</u> with allies at our side, and <u>we will prevail</u> (7 октября 2002 г.).</p> <p>That is not the America I know. That is not the America I serve. We refuse to live in fear (7 октября 2002 г.).</p> <p><u>We will pass</u> through this time of peril and carry on the work of peace. <u>We</u> <u>will defend</u> our freedom. <u>We will bring</u> freedom to others and we will prevail (19 марта 2003 г.).</p> <p><u>You're always ready</u> to serve with courage and excellence. <u>You are</u> <u>always ready</u> to place your country's safety</p>	<p><u>Their homes and</u> <u>schools have been</u> <u>bombed out of existence</u> by Syrian President Bashar Al-Assad's merciless regime. <u>Their</u> <u>lives have been imperiled</u> by ISIL and terrorism; <u>It's</u> <u>time for this</u> suffering and killing to stop. <u>It's time</u> <u>for the immediate and full</u> implementation of all terms of the Arab League agreement, including the full withdrawal of security forces, the release of political prisoners, and unfettered access by monitors and international media to all parts of Syria. <u>It's time for the</u> Syrian people to have the universal rights that they deserve; <u>Failing to</u></p>	<p>Характерной особенностью примеров корпуса 2003 года является то, что использование синтаксического параллелизма призвано укоренить у аудитории мысль не только понять эту войну, но и принять в ней участие (we will defend, you are always ready, you can volunteer), в то время как корпус 2011 года уже не содержит столь явного призыва, а возвращается вокруг запугивания теми последствиями, которые угрожают американскому народу в случае бездействия на Ближнем Востоке (failing to respond to this</p>

<p>above your own (31 марта 2003 г.).</p> <p><u>You can volunteer.</u> <u>You can volunteer</u> to help watch neighborhoods. <u>You can volunteer</u> to help neighborhoods become better prepared. <u>You can volunteer</u> for the Red Cross (31 марта 2003 г.).</p> <p><u>Saddam Hussein continues</u> to play games with the international community. <u>He continues</u> to refuse real interviews with the scientists. <u>He continues</u> to hide his weapons to try to deceive the inspectors (14 марта 2003 г.).</p>	<p><u>respond to</u> this outrage also threatens our national security. <u>Failing to respond</u> means more and more Syrians will die from Assad's poisonous stockpiles. <u>Failing to respond</u> makes our allies and partners in the region tempting targets of Assad's future attacks. <u>Failing to respond</u> increases the risk of violence and instability as citizens across the Middle East and North Africa continue to struggle for their universal rights.</p>	<p>outrage also threatens our national security). Более того, Обама и его администрация очевидно давят на жалость аудитории, перечисляя страдания, которые выпали на долю сирийского народа из-за действий безжалостного сирийского режима.</p>
---	---	---

Использование лексики военной тематики

<p>weapons of mass destruction; chemical and biological weapons; nuclear weapons; mustard gas; sarin nerve gas; VX nerve gas; ballistic missiles; fleet of manned</p>	<p><u>a systematic campaign of airstrikes</u>, authorization for the use of military force, ground combat operations, <u>special operations forces</u>, <u>kinetic strikes</u>, chemical</p>	<p>По сравнению с корпусом 2003 года мы можем заметить, что значительная часть лексики корпуса 2011 года акцентирует внимание на</p>
---	--	--

<p>and unmanned aerial vehicles; bomb-making; bomb; uranium; no-fly zones; weapons of mass murder; disarmament; selected targets of military importance; naval and air bases; deployment of combat units; Army, Air Force, Navy, Coast Guard, Marines; mines; missiles; theater of operations; high-tech munitions; ground war; air superiority; missile launch areas, armored vehicle, Abrams tank</p>	<p>weapons, airmen, tanks, rifles, Commander-in-Chief, servicemembers, <u>airpower</u>, men and women in uniform, chemical weapons stockpiles, sarin, mustard, chemical agent, proliferation of weapons of mass destruction, <u>targeted airstrikes</u>, chemical warfare, troops, warheads, rockets, <u>limited military strikes</u>, conventional weapons, non-lethal assistance, Supreme Military Council</p>	<p>ограниченном характере военных действий (выделено подчеркиванием). При этом Буш очевидно сделал ставку на запугивание аудитории, исходя из того количества смертоносного вооружения, которое было перечислено в его речах (и обладание которым приписывалось режиму противника), что касается Обамы и его выступлений, то мы можем четко проследить, что в отличие от предшественника, обвинявшего Хуссейна в обладании всеми возможными видами оружия, Барак Обама сделал ставку именно на химическое оружие и его разновидности.</p>
<p>Лексика по теме «терроризм»</p>		

terrorist groups, terrorism, terror, terror organizations, terrorist network	terrorism, terrorist organizations, terrorist ideology, terrorist networks, terrorist targets, terrorist group, terror, terrorize, counterterrorism	Что касается лексики по теме «терроризм», то мы можем отметить, что это, пожалуй, один из немногих элементов ВПД США, который остается неизменным на протяжении всех речей, как Буша, так и Обамы, однако Барак Обама чаще использует действительно «terrorist» в функции определения, что позволяет ему внести разнообразие в лексику по данной тематике.
---	--	--

Таким образом, мы можем сделать вывод, что Барак Обама более тщательно относится к тому самому подбору слов, о котором упоминал Т. ван Дейк: он реже прибегает к открытым обвинениям в адрес противника и все чаще смещает фокус в пользу описания последствий «безжалостного режима», чтобы создать ощущение ситуации как кризиса. Метафоры и эпитеты, к которым прибегает Барак Обама, содержат в себе меньше угрозы непосредственно для США, но подчеркивают беззаконие, творящееся в Сирии, и необходимость вмешательства со стороны мирового сообщества.

В отличие от кампании Буша Барак Обама уже не призывает к активным действиям население США, а только ищет поддержки с его стороны, поэтому

он делает акцент на ограниченности во времени и ответственности США за те последствия, которые могут повлечь действия режима Асада.

В свою очередь, военная лексика, используемая Бараком Обамой, подчеркивает ограниченный характер вмешательства США в происходящее в Сирии, чтобы усилить контраст между президентом Обамой и его предшественником.

Выводы по главе 2

В рамках практической главы перед нами стояла задача проанализировать параллельные тексты ВПД США, сосредотачиваясь на трудностях, которые могут возникнуть при их переводе, а также провести диахронический анализ корпусов текстов ВПД США, обращая внимание на компоненты ВПД и их реализацию в корпусах текстов.

Пункты 2.1 – 2.4 посвящены непосредственно анализу текстов обращений Буша-младшего и Барака Обамы к нации. Особенность данных выступлений состояла в том, что они изобиловали такими тропами как эпитет, метафора, синтаксический параллелизм (в частности, анафора) и сравнение, а также их перевод усложнялся присутствием лексики военной тематики и лексики по теме «терроризм».

Как правило, тропы использовались в тех частях выступлений, которые выступают как компоненты ВПД, а именно:

1. Описание создавшейся военно-политической ситуации как кризиса;
2. Противопоставление на уровне «мы-они»;
3. Нагнетание чувства страха и ограниченности во времени для принятия решений;
4. Легитимация принятого курса действий.

Таким образом, их присутствие в тексте нельзя назвать случайным, а их перевод требует особого внимания к деталям, а порой – знания экстралингвистического контекста.

Среди приемов перевода, помогающих воспроизвести компоненты ВПД, можно выделить следующие:

1. Добавление (*reckless aggression* - безрассудные агрессивные действия; *to provide humanitarian support* – оказывать населению гуманитарную помощь);

2. Опускание (*before it is too late to act* – пока не стало слишком поздно);

3. Генерализация (*with no distinction between soldier and infant* - вне зависимости от возраста и рода занятий);

4. Антонимический перевод (*to disarm without war* – разоружить мирными средствами);

5. Смысловое развитие (*events have now reached the final days of decision* - события достигли точки невозврата, требующей незамедлительного принятия решения);

6. Замена части речи (*patient and honorable efforts to disarm* – терпеливо и с достоинством пытались разоружить);

7. Парцелляция.

Практика показала, что переводчику зачастую не стоит прибегать к употреблению калькирования во избежание громоздких синтаксических конструкций и нейтрализации метафор.

Большое внимание стоит уделить переводу военных терминов, для которых важно подобрать точный эквивалент на языке перевода (например, *targeted strike* – точечный удар).

От внимания переводчика не должны ускользнуть также детали, связанные с экстралингвистическим контекстом, это могут быть:

1. Порядок перечисления стран или органов власти;

2. Упоминание войн, их эпизодов, исторических личностей или международных организаций – переводчик должен понимать, в связи с чем и для чего проводится данная аналогия, какой смысл в себе несет (например, упоминание войны в Персидском заливе 1991 года, в которой Ирак

действительно выступал агрессором, чтобы еще раз ввести войска коалиции в Ирак уже в 2003 году);

3. Отсылка к традиционным ценностям той или иной страны, зачастую выраженная абстрактными существительными, которая чаще всего используется для легитимации принятого курса действий.

Стоит еще раз упомянуть, что все вышеперечисленное необходимо учитывать для создания перевода, нацеленного на получение у аудитории отклика аналогичного тому, который ожидают увидеть авторы оригинала. В противном случае, использование наших выводов может быть полезно для выявления дискурса доминирования и манипуляции общественным сознанием.

После анализа параллельных текстов выступлений президентов США перед нами стояла задача проанализировать корпусы текстов кампаний 2003 и 2011 гг., чему посвящены пункты 2.4–2.7 нашего исследования.

Анализ корпусов текстов во многом подтвердил нашу гипотезу о вышеперечисленных компонентах ВПД и тропах, используемых для их реализации (эпитеты, метафоры, сравнения, синтаксический параллелизм-анафора).

Несмотря на определенную схожесть исторических ситуаций, в которых разворачивались дискурсы президентов США, можно проследить четкое влияние политики Буша-младшего на дискурс Барака Обамы, который всеми силами старался дистанцироваться от политики своего предшественника, придерживаясь при этом традиционных взглядов на внешнюю политику, основанную на мессианских идеях о роли США на международной арене (the world's policeman, the anchor of global security).

Таким образом, проанализировав вышеперечисленные тропы, мы пришли к выводу, что в кампании Барака Обамы менее выражен такой компонент ВПД США как противопоставление на уровне «мы-они», потому что Барак Обама зачастую воздерживался от открытых обвинений в адрес Асада, а

компонент ВПД, характеризуемый нами как «описание ситуации как кризиса», демонстрирует смещение фокуса в пользу происходящего в Сирии и обещания, что Америка не будет проводить широкомасштабную наземную операцию, как это было в Ираке. Что касается легитимации действий США, то тут по-прежнему доминируют идеи США о наличии у противника смертоносного оружия массового поражения и бессилии международных организаций (в частности, ООН) перед лицом его распространения.

Диахронический анализ двух кампаний показал, что велика вероятность использования одного и того же сценария для обеих интервенций, при этом после признанной провальной политики Буша-младшего Барак Обама был вынужден более тщательно подбирать слова во избежание массовой истерии и нарушения предвыборных обещаний (в частности, речь идет об антивоенном предвыборном дискурсе Барака Обамы). Тем не менее, схожий характер выступлений политиков сложно отрицать, потому что в нем четко прослеживаются следующие ключевые идеи:

1. Обладание страной-противником оружия массового поражения – описание ситуации как кризиса;
2. Опасность попадания ОМП в руки террористов и повторения событий 11 сентября – указание на ограниченность во времени;
3. Указание на невозможность влияния на противников методами международных организаций – легитимация принятого курса действий;
4. Указание на роль США на внешнеполитической арене – противопоставление на уровне «мы-они» и воплощение мессианских идей США.

В связи с вышесказанным было бы интересно продолжить данное исследование, чтобы проверить реализацию выявленных закономерностей на материале большего объема.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше исследование совмещает в себе две передовые тенденции в лингвистике и международных отношениях, в частности, речь идет о сочетании анализа дискурса и исследования ближневосточного вопроса в рамках одной работы.

Как показывает практика, и анализ дискурса, и ближневосточные исследования еще долго будут оставаться на повестке дня мирового ученого сообщества, что открывает необъятные перспективы для этого неожиданного союза.

В отечественной лингвистике и отечественном дискурс-анализе традиционно делается упор на исследование политического дискурса внутри страны или изучение взаимоотношений между Россией и странами Запада сквозь призму КДА. К сожалению, ближневосточный вопрос, который все прочнее входит в нашу жизнь в связи с присутствием российского контингента в Сирии, по-прежнему освещен недостаточно, при этом западные исследователи уделяют ему огромное внимание.

Наше исследование имеет универсальный характер и будет интересно не только лингвистам, но и специалистам-международникам в силу своей мультидисциплинарности.

В рамках нашего исследования мы дали подробную характеристику военно-политического дискурса и пришли к выводу, что элитарный характер ВПД, а также такие его компоненты, как цели и ценности, закрепляют за ним особое место в классификации типов дискурса. В целом, в результате наших теоретических изысканий мы сформулировали следующее определение военно-политического дискурса: к военно-политическому дискурсу относятся тексты и речи, касающиеся освещения военных действий, а также коммерческой и некоммерческой деятельности, связанной с ВПК, первыми лицами государства, главами международных организаций или проправительственными СМИ.

Благодаря критическому дискурс-анализу мы смогли охарактеризовать компоненты военно-политического дискурса США, а также выявить заключенный в них дискурс доминирования, руководствуясь следующими фундаментальными принципами КДА:

1. КДА сосредоточен преимущественно на социальных и политических проблемах, а не на изучении дискурсивных структур без учета социального и политического контекста.

2. Критический анализ социальных проблем в большинстве своем имеет мультидисциплинарный характер.

3. КДА не просто описывает дискурсивные структуры, но пытается их объяснить относительно характеристик социального взаимодействия и общественной структуры.

4. КДА во многом сосредотачивает свое внимание на реализации дискурсивных структур при злоупотреблении общественной властью.

Практическая часть исследования может быть условно разделена на две части: анализ параллельных текстов и рассмотрение особенностей ВПД с точки зрения перевода, а также анализ корпусов текстов и выявление закономерностей, присущих ВПД США, в диахронии.

По итогам анализа параллельных текстов мы пришли к следующим выводам: особенность данных выступлений состояла в обилии тропов таких, как эпитет, метафора, синтаксический параллелизм (в частности, анафора) и сравнение; перевод анализируемых текстов также усложнялся присутствием лексики военной тематики и лексики по теме «терроризм».

Как правило, тропы использовались в тех частях выступлений, которые выступают как компоненты ВПД, а именно:

1. Описание создавшейся военно-политической ситуации как кризиса;
2. Противопоставление на уровне «мы-они»;

3. Нагнетание чувства страха и ограниченности во времени для принятия решений;
4. Легитимация принятого курса действий.

Наиболее удачно используемые приемы перевода в отношении анализируемых текстов – добавление, опущение, генерализация, смысловое развитие, антонимический перевод, замена части речи, парцелляция. Отдельное внимание при переводе подобных текстов стоит уделить переводу военной терминологии, а также переводу элементов текста, требующих знания экстралингвистического контекста.

Дальнейший анализ корпусов текстов во многом подтвердил наше предположение о вышперечисленных компонентах ВПД и тропах, используемых для их раскрытия (эпитеты, метафоры, сравнения, синтаксический параллелизм-анафора).

Диахронический анализ корпусов текстов двух кампаний показал, что велика вероятность использования одного и того же сценария для обеих интервенций, при этом Барак Обама был вынужден более тщательно подбирать слова во избежание обвинений в развязывании войны (в частности, речь идет об отстранении от антивоенного предвыборного дискурса Барака Обамы). Тем не менее, схожий характер выступлений политиков сложно отрицать, потому что в нем четко прослеживаются следующие ключевые идеи:

1. Обладание страной-противником оружия массового поражения – описание ситуации как кризиса;
2. Опасность попадания ОМП в руки террористов и повторения событий 11 сентября – указание на ограниченность во времени;
3. Акцент на невозможность влияния на противников методами международных организаций – легитимация принятого курса действий;

4. Указание на роль США на внешнеполитической арене – противопоставление на уровне «мы-они» и воплощение мессианских идей США.

Таким образом, нашу гипотезу исследования, согласно которой критический дискурс-анализ позволит определить военно-политический дискурс как особый тип дискурса и выделить функциональные и стилистические особенности ВПД, можно считать доказанной.

Мы надеемся, что с дальнейшим распространением дискурс-анализа и, в частности, критического дискурс-анализа, выявляющего манипулятивные технологии, воспроизводство дискурса доминирования в обществе будет все более затруднительно, а, значит, будет все сложнее инициировать новые военные кампании.

В связи с вышесказанным, перспективными направлениями для дальнейшего исследования можно считать:

1. Исследование военно-политического дискурса США на более протяженном временном отрезке, охватывающем последние события в Сирии;
2. Сравнение и сопоставление военно-политического дискурса США и России на примере сирийского вопроса;
3. Исследование реакции на военно-политический дискурс США в странах Ближнего Востока.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеева, И.С. Введение в перевод: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И.С. Алексеева. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
2. Алёшина, Е.Ю. Публичный политический дискурс конфликтной ситуации / Е.Ю. Алёшина. – М.: Прометей, 2015. – 220 с.
3. Бархударов, Л.С. Язык и перевод / Л.С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
4. Бачурин, В.Д. Манипулятивные технологии, применяемые СМИ в современном военно-политическом дискурсе / В.Д. Бачурин // Политическая лингвистика. – 2014. – № 4. – С. 99–104.
5. Гальперин, И.Р. Стилистика английского языка / И.Р. Гальперин. – 3-е изд. – М.: Книжный дом «ЛАБРИКОМ», 2010. – 336 с.
6. Герасимов, В.И. Политический дискурс-анализ / В.И. Герасимов, М.В. Ильин // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования: сб. науч. тр. – М.: РАН ИНИОН, 2002. – С. 61–71.
7. Дейк, Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
8. Демьянков, В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В.З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования: сб. науч. тр. – М.: РАН ИНИОН, 2002. – С. 32–43.
9. Звегинцев, В.А. Предложение и его отношение к языку и речи / В.А. Звегинцев. – М.: Изд-во Московского Университета, 1976. – 308 с.
10. Ильин, М.В. Политический дискурс как предмет анализа / М.В. Ильин // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования: сб. науч. тр. – М.: РАН ИНИОН, 2002. – С. 7–19.

11. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 331 с.
12. Киселева, С.А. Функционирование эвфемизмов в современном английском военно-политическом дискурсе (структурно-семантический и прагматический аспекты): дис. ... канд. фил. наук: 10.02.04 / Киселева Софья Александровна. – М., 2015. – 240 с.
13. Кубрякова, Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Е.С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. Сборник обзоров. Серия Теория и история языкознания. – М.: РАН ИНИОН, 2000. – С. 5–13.
14. Левицкая, Т.Р. Проблемы перевода / Т.Р. Левицкая, А.М. Фитерман. – М.: Международные отношения, 1976. – 208 с.
15. Миньяр-Белоручева, А.П. Типология исторического дискурса / А.П. Миньяр-Белоручева // Язык и текст. – 2015. – Т. 2. – № 2. – С. 8–16.
16. Олянич, А.В. Презентационные стратегии в военно-политическом дискурсе / А.В. Олянич // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2003. – № 3. – С. 119–126.
17. Опарина, Е.О. Метафора в политическом дискурсе / Е.О. Опарина // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования: сб. науч. тр. – М.: РАН ИНИОН, 2002. – С. 20–31.
18. Пропп, В.Я. Морфология сказки / В.Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 1998. – 512 с.
19. Серио, П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999. – С. 12–54.
20. Толпыгина, О.А. Дискурс и дискурс-анализ в политической науке / О.А. Толпыгина // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования: сб. науч. тр. – М.: РАН ИНИОН, 2002. – С. 72–86.

21. Фомина, Т.Д. Динамика концепта в политическом дискурсе (на примере выступлений Д. Буша и Т. Блэра, посвященных второй военной кампании в Ираке): дис. ... канд. фил. наук: 10.02.04 / Фомина Татьяна Дмитриевна. – М., 2006. – 197 с.
22. Хомутова, Т.Н. Типология дискурса: интегральный подход / Т.Н. Хомутова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2014. – Т. 11, № 2. – С. 14–20.
23. Чернявская, В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие / В.Е. Чернявская. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 128 с.
24. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика / А.П. Чудинов. – М.: Флинта, 2006. – 255 с.
25. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.
26. Эйхенбаум, Б.М. Теория формального метода / Б.М. Эйхенбаум // Литература: Теория. Критика. Полемика. – Л.: Прибой, 1927. – С. 116–148.
27. Dijk, T. Aims of critical discourse analysis / T. Dijk // Japanese discourse. – 1995. – Vol. 1. – P. 17–27.
28. Dijk, T. Critical discourse analysis / T. Dijk // Handbook of Discourse Analysis. – 2015. – Vol.1. – P. 466–485.
29. Dijk, T. Discourse analysis as a new cross-discipline / T. Dijk // Handbook of discourse analysis. – 1985. – Vol. 1. – P. 1–10.
30. Dijk, T. Discourse meaning and memory / T. Dijk // Journal of literacy research. – 1976. – Vol. 8. – P. 89–110.
31. Dijk, T. Sentence topic and discourse topic / T. Dijk // Papers in Slavic philology. – 1977. – Vol. 1. – P. 49–61.
32. Dijk, T. Studies in the pragmatics of discourse / T. Dijk. – The Hague: Mouton publishers. – 1981. – 331 p.

33. Dijk, T., Kintsch, W. Towards a model of text comprehension and production / T. Dijk, W. Kintsch // Psychological review. – 1978. – № 85. – P. 363–394.
34. Dijk, van T.A. War rhetoric of a little ally / T.A. van Dijk // Journal of language and politics. – 2005. – Vol. 4, № 1. – P. 65–92.
35. Gershkoff, A. Shaping public opinion: The 9/11-Iraq Connection in the Bush Administration's Rhetoric / A. Gershkoff, S. Kushner // Perspectives on Politics. – 2005. – Vol. 3. – P. 525–537.
36. Halliday, M. Categories of the theory of grammar / M. Halliday // Word. – 1961. – Vol. 17. – P. 241–292.
37. Hovland, C., Weiss, W. The influence of source credibility on communication effectiveness / C. Hovland, W. Weiss // Public opinion quarterly. – 1951. – Vol. 15. – P. 635–650.
38. Hrnjas, M., Krstic, M. Obama's dual discourse on American exceptionalism / M. Hrnjas, M. Krstic // Croatian international relations review. – 2015. – Vol. 21. – P. 25–56.
39. Lazarsfeld, P., Berelson, B., Gaudet, H. The people's choice. How the voter makes up his mind in a presidential campaign / P. Lazarsfeld, B. Berelson, H. Gaudet. - New York: Columbia University Press. – 1948. – P. 13–18.
40. Michaels, J. The discourse trap and the US military / J. Michaels. – New York: PALGRAVE MACMILLAN, 2013. – 267 p.
41. Searle, J., Kiefer, F., Bierwisch, M. Speech act theory and pragmatics / J. Searle, F. Kiefer, M. Bierwisch // Studies in linguistics and philosophy. – 1980. – Vol. 12 – 320 p.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

42. Буш создает прецедент. URL: http://expert.ru/expert/2002/34/34expovest7_36374/, ограниченный. Загл. с экрана. – Яз. русский. – (Дата обращения: 04.12.2017).

43. Обращение Джорджа Буша-младшего к нации. – URL: <http://inosmi.ru/world/20030318/174017.html>, свободный. Загл. с экрана. – Яз. русский. – (Дата обращения: 04.12.2017).
44. A Major Milestone in Our Effort to Eliminate Syria Chemical Weapons Program. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/blog/2013/11/04/major-milestone-our-effort-eliminate-syria-s-chemical-weapons-program>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 17.05.2018).
45. Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 08.05.2018).
46. Deception on Capitol Hills. URL: <https://www.nytimes.com/1992/01/15/opinion/deception-on-capitol-hill.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 08.05.2018).
47. Dr. Condoleezza Rice Discusses Iraq in Chicago. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/10/20031008-4.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).
48. George W. Bush didn't just lie about the Iraq War. What he did was much worse. – URL: <http://theweek.com/articles/555921/george-w-bush-didnt-just-lie-about-iraq-war-what-did-much-worse>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 17.05.2018).
49. How Barack Obama betrayed Syrian people. – URL: <https://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2015/08/barack-obama-betrayed-syrian-people-150822084544918.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 17.05.2018).
50. Interview of National Security Advisor Condoleezza Rice by Al Jazeera Television.–URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/03/20030314-20.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).

51. Joint Statement on Syria. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/09/06/joint-statement-syria>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 17.05.2018).
52. Letter from the President - Authorization for the Use of United States Armed Forces in connection with the Islamic State of Iraq and the Levant. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/02/11/letter-president-authorization-use-united-states-armed-forces-connection>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 17.05.2018).
53. Obama defends U.S. approach toward war in Syria. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-syria-obama/obama-defends-u-s-approach-toward-war-in-syria-idUSKBN1452KX>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 17.05.2018).
54. President Bush Addresses Nation on the Capture of Saddam Hussein. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/12/20031214-3.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).
55. President Bush Addresses the Nation. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/03/20030319-17.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).
56. President Bush Announces Major Combat Operations in Iraq Have Ended. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/05/20030501-15.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).
57. President Bush Congratulates Iraq for Transitional Administrative Law. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2004/03/20040308.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).

58. President Bush Discusses Early Transfer of Iraqi Sovereignty. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2004/06/20040628-9.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).
59. President Bush Discusses Freedom in Iraq and Middle East. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/11/20031106-2.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).
60. President Bush Discusses Iraq Policy at Whitehall Palace in London. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/11/20031119-1.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).
61. President Bush Honors the Brave and Fallen Defenders of Freedom. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/05/20030526-1.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).
62. President Bush Meets with Troops in Iraq on Thanksgiving. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/11/20031127.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).
63. President Bush Outlines Iraqi Threat. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/10/20021007-8.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).
64. President Bush Reaffirms Commitments in Iraq. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2004/05/20040510-3.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).
65. President Bush Reaffirms Resolve to War on Terror, Iraq and Afghanistan. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2004/03/20040319-3.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).

66. President Bush Welcomes Unanimous UN Vote on Iraq. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/10/20031016-5.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).
67. President Bush, Italian President Ciampi Discuss Iraq. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/11/20031114-3.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).
68. President Bush, P.M. Howard Discuss Operation Iraqi Freedom. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/05/20030503-1.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).
69. President Bush, PM Berlusconi Discuss Iraq and War on Terrorism. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/07/20030721.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).
70. President Bush, Police Commissioner Kerik Discuss Police Force in Iraq. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/10/20031003-2.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).
71. President Bush, Prime Minister Blair Discuss Iraq at G8 Summit. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2004/06/20040609-1.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).
72. President Bush, Prime Minister Blair Discuss War on Terrorism. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/07/20030717-9.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).
73. President Bush, Secretary Rumsfeld Discuss Progress in Iraq. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/08/20030808-1.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).

74. President Bush: Monday "Moment of Truth" for World on Iraq. -URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/03/20030316-3.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).
75. President Condemns Bombing in Baghdad, Iraq. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/08/20030819-1.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).
76. President Discusses Beginning of Operation Iraqi Freedom. – URL: [https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/03 /2003_0322.html](https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/03/2003_0322.html), свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).
77. President Discusses Iraqi Freedom Progress in Radio Address. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/03 /20030329.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).
78. President Discusses Middle East, Iraq and the Dollar in Cabinet Meeting. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/06/20030609-4.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).
79. President Discusses Progress in Iraq. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/10/20031009-7.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).
80. President Gives Iraq Update to Workers of Tank Plant in Lima, Ohio. – <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/04/20030424-6.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).
81. President Obama Delivers a Statement on Airstrikes in Syria. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/blog/2014/09/23/president-obama-delivers-statement-airstrikes-syria>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 17.05.2018).
82. President Obama Delivers a Statement on Airstrikes in Syria. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/photos-and-video/video/2014/09/23>

/president-obama-delivers-statement-airstrikes-syria#transcript, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 17.05.2018).

83. President Obama: "The future of Syria must be determined by its people, but President Bashar al-Assad is standing in their way." – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/blog/2011/08/18/president-obama-future-syria-must-be-determined-its-people-president-bashar-al-assad>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 17.05.2018).

84. President Outlines Steps to Help Iraq Achieve Democracy and Freedom. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2004/05/20040524-10.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).

85. President Removes Iraq Sanctions. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/05/20030507-15.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).

86. President Says Saddam Hussein Must Leave Iraq Within 48 Hours. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/03/20030317-7.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).

87. President Updates America on Operations Liberty Shield and Iraqi Freedom. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/03/20030331-4.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).

88. President's Message to the Iraqi People. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/04/20030410-2.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).

89. Rand Paul Reacts to Obama's Syria Speech: 'We Have No Plan for Victory'. – URL: <http://insider.foxnews.com/2013/09/10/rand-paul-reacts-obamas-syria-plan-we-have-no-plan-victory>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 17.05.2018).

90. Remarks As Prepared for Delivery by National Security Advisor Susan E. Rice. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/09/09/remarks-prepared-delivery-national-security-advisor-susan-e-rice>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 17.05.2018).

91. Remarks by President Obama and the Presidents of Estonia, Lithuania, and Latvia. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/08/30/remarks-president-obama-and-presidents-estonia-lithuania-and-latvia>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 17.05.2018).

92. Remarks by President Obama in Address to the United Nations General Assembly. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/photos-and-video/video/2013/09/24/president-obama-addresses-united-nations-general-assembly#transcript>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 17.05.2018).

93. Remarks by the President in Town Hall at Fort Meade. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/09/14/remarks-president-town-hall-fort-meade>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 17.05.2018).

94. Statement by Deputy National Security Advisor for Strategic Communications Ben Rhodes on Syrian Chemical Weapons Use. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/06/13/statement-deputy-national-security-advisor-strategic-communications-ben->, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 17.05.2018).

95. Statement by the President on Congressional Authorization to Train Syrian Opposition. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/photos-and-video/video/2014/09/18/president-speaks-congressional-authorization-train-syrian-oppositi#transcript>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 17.05.2018).

96. Statement by the President on Syria. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/08/31/statement->

president-syria, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 17.05.2018).

97. Statement by the President on Syria. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2012/02/04/statement-president-syria>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 17.05.2018).

98. Statement by the President on the Violence in Syria. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/07/31/statement-president-violence-syria>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 17.05.2018).

99. Statement by the President on U.S.-Russian Agreement on Framework for Elimination of Syrian Chemical Weapons. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/09/14/statement-president-us-russian-agreement-framework-elimination-syrian-ch>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 17.05.2018).

100. Statement by the Press Secretary on Syria. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/12/21/statement-press-secretary-syria>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 17.05.2018).

101. Statement of the Atlantic Summit: A Vision for Iraq and the Iraqi People. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/03/20030316-1.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).

102. Statement on the Iraqi Governing Council. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/07/20030714-5.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).

103. Text of Bush speech. URL: <https://www.cbsnews.com/news/text-of-bush-speech-01-05-2003/>, свободный. Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 04.12.2017).

104. US/UK Declaration on Iraq. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/11/20031120-1.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).

105. Weekly Address: Calling for Limited Military Action in Syria. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/photos-and-video/video/2013/09/07/weekly-address-calling-limited-military-action-syria#transcript>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 17.05.2018).

106. What You Need to Know About the Syrian Refugee Crisis and What the U.S. is Doing to Help. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/blog/2015/09/15/what-you-need-know-about-syrian-refugee-crisis-and-what-us-doing-help>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 17.05.2018).

107. White House Statement on Uday and Qusay Hussein. – URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/07/20030722-8.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ. – (Дата обращения: 23.02.2018).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Обращение Джорджа Буша-младшего к нации

Стенограмма речи президента США от 17 марта 2003 г.

Мои соотечественники!

События в Ираке сейчас подошли к моменту, когда в ближайшие дни должно быть принято решение. На протяжении более десятилетия Соединенные Штаты и другие страны терпеливо и с достоинством пытались разоружить иракский режим без войны. Этот режим обещал рассекретить и уничтожить все свое оружие массового поражения (ОМП) как одно из условий прекращения войны в Персидском заливе в 1991 году.

С тех пор мир потратил 12 лет на дипломатию. Мы приняли более дюжины резолюций в Совете Безопасности (СБ) Организации Объединенных Наций (ООН). Мы послали сотни инспекторов по вооружениям, чтобы контролировать разоружение Ирака.

Нам не ответили взаимностью на наше доверие. Иракский режим использовал дипломатию как уловку, чтобы выиграть время и получить преимущества. Он раз за разом игнорировал резолюции СБ, требовавшие полного разоружения.

На протяжении многих лет инспекторам ООН по вооружениям приходилось выслушивать угрозы от иракских официальных лиц, за ними вели электронное наблюдение и их систематически обманывали. Мирные усилия по разоружению иракского режима проваливались раз за разом, потому что мы имеем дело не с миролюбивыми людьми.

Собранная нашим и другими правительствами разведывательная информация не оставляет сомнений в том, что иракский режим продолжает иметь и прятать некоторые из самых смертоносных вооружений, которые когда-либо были созданы. Этот режим уже применял ОМП против соседних с Ираком стран и против иракского народа.

Этот режим печально известен своими безрассудными агрессивными действиями на Ближнем Востоке. Он испытывает глубокую ненависть к Америке и к нашим друзьям; и он помогает и укрывает террористов, включая боевиков "Аль-Каиды".

Опасность очевидна: используя химическое, биологическое или, когда-нибудь, ядерное оружие, полученное с помощью Ирака, террористы могут осуществить свои заявленные амбиции и уничтожить тысячи или сотни тысяч невинных людей в нашей или в любой другой стране.

Соединенные Штаты и другие страны не сделали ничего такого, что оправдывало бы или провоцировало подобную угрозу, но мы сделаем все, чтобы ее устранить. Вместо того чтобы дрейфовать к трагедии, мы возьмем курс на безопасность.

Прежде чем для нас настанет день ужаса, прежде чем станет слишком поздно действовать, эта опасность будет устранена.

Соединенные Штаты Америки имеют суверенные полномочия использовать силу для обеспечения нашей национальной безопасности. Эта обязанность ложится на меня как главнокомандующего в соответствии с той клятвой, которую я дал, вступая в должность, и которую я намерен сдерживать.

Признавая наличие угрозы нашей стране, конгресс Соединенных Штатов в прошлом году подавляющим большинством проголосовал за применение силы против Ирака.

Америка пыталась работать с ООН в целях устранения этой угрозы, ибо мы хотели решить этот вопрос мирными средствами. Мы верим в предназначение Организации Объединенных Наций.

Одной из причин, в силу которых после второй мировой войны была основана ООН, являлось стремление активно и на возможно более раннем этапе оказывать противодействие агрессивным диктаторам, прежде чем они сумеют напасть на невинных и разрушить мир на земле.

В случае с Ираком Совет Безопасности принял соответствующие меры в начале 1990-х годов. В соответствии с резолюциями 678 и 687, обе из которых все еще остаются в силе, США и наши союзники имеют полномочия использовать силу для избавления Ирака от ОМП.

Вопрос тут не в полномочиях, а в проявлении воли.

В сентябре прошлого года я появился на заседании Генеральной Ассамблеи ООН и призвал страны всего мира объединиться и положить конец этой опасности. Восьмого сентября СБ единодушно принял резолюцию 1441, которая констатирует существенные нарушения принятых Ираком обязательств и предостерегает его о серьезных последствиях, если Ирак полностью и немедленно не разоружится.

Сегодня никакая страна не может утверждать, что Ирак разоружился. И он не станет разоружаться до тех пор, пока у власти находится Саддам Хусейн (Saddam Hussein).

За последние четыре с половиной месяца Соединенные Штаты и наши союзники работали в рамках СБ, чтобы принудить Ирак выполнить давнишние требования этого органа. Однако некоторые постоянные члены СБ публично объявили о том, что наложат вето на любую резолюцию, которая принуждает Ирак к разоружению. Эти правительства разделяют нашу оценку опасности, но не нашу решимость бороться против нее.

Однако многие страны все же обладают решимостью и целеустремленностью для того, чтобы принять меры по устранению данной угрозы делу мира, и сейчас собирается широкая коалиция, чтобы принудить (Ирак) к выполнению справедливых требований всей планеты.

Совет Безопасности ООН не сумел справиться со своими обязанностями, а потому мы намерены выполнить свои.

В последние дни некоторые ближневосточные правительства делают то, что от них требуется. Они направили публичные и частные письма,

призывающие диктатора покинуть Ирак, чтобы можно было осуществить разоружение мирными средствами.

Пока что он отказывается следовать их совету.

Все эти десятилетия обмана и жестокости сейчас достигли своего конца. Саддам Хусейн и его сыновья должны покинуть Ирак в течение 48 часов. Отказ сделать это приведет к военному конфликту, который начнется тогда, когда этого захотим мы.

Все иностранные граждане, включая журналистов и инспекторов, должны немедленно покинуть Ирак ради их собственной безопасности.

Сегодня меня могут слышать многие иракцы, поскольку мое выступление передается по радио в переводе. Я вот что хочу им сказать. Если уж мы должны начать военную кампанию, она будет направлена против нарушивших закон людей, которые правят вашей страной, а не против вас.

Когда наша коалиция отнимет у них власть, мы доставим в вашу страну продовольствие и медикаменты, в которых вы нуждаетесь. Мы демонтируем аппарат террора и мы поможем вам построить новый Ирак, который станет процветающим и свободным. В свободном Ираке больше не будет агрессивных войн против ваших соседей, не будет заводов по производству отравляющих веществ (ОВ), не будет казней инакомыслящих, не будет пыточных камер и комнат для изнасилований.

Тирана вскоре не станет. День вашего освобождения близок.

Саддаму Хусейну уже поздно думать о том, как сохранить свою власть. Но еще не поздно иракским военнослужащим сохранить свою честь и защитить вашу страну, разрешив коалиционным войскам мирно войти на ее территорию, чтобы уничтожить запасы ОМП. Наши войска передадут иракским воинским частям четкие инструкции относительно того, как им следует себя вести, чтобы избежать нападения и уничтожения.

Я обращаюсь с призывом к каждому иракскому военнослужащему и к каждому сотруднику спецслужб: если разразится война, не сражайтесь за

умирающий режим, который не стоит того, чтобы отдавать за него вашу собственную жизнь.

К этому моему предупреждению следует внимательно прислушаться всем иракским военным и гражданским лицам: в любом конфликте ваша судьба будет зависеть от ваших действий. Не разрушайте нефтяные скважины, источник богатства, которое принадлежит иракскому народу. Не подчиняйтесь никаким командам применить оружие массового поражения против кого бы то ни было, включая и иракский народ. Военные преступления будут расследованы, а военные преступники будут наказаны, причем не будут приниматься во внимание никакие оправдания в духе "Я просто выполнял приказ".

В случае если Саддам Хусейн предпочтет оказать вооруженное сопротивление, американский народ будет знать, что были приняты все необходимые меры для избежания войны и будут приняты все меры для того, чтобы эту войну выиграть.

Американцы сознают, во что обойдется этот конфликт, потому что мы оплачивали подобные конфликты в прошлом. В войне нет ничего, в чем можно быть стопроцентно уверенным, исключая лишь уверенность в том, что будут жертвы. Однако единственный способ сократить ущерб и продолжительность войны - это применить максимум силы и мощи наших вооруженных сил, и мы к этому готовы.

Если Саддам Хусейн попытается держаться за власть, он останется нашим смертельным врагом до конца. В отчаянии он и террористические группировки, быть может, попытаются проводить террористические операции против американского народа и наших друзей. Эти нападения не являются неизбежными. Однако они все-таки возможны.

И именно этот факт подчеркивает причину, по которой мы не можем и дальше жить под угрозой шантажа. Террористическая угроза Америке и миру снизится в тот момент, когда будет разоружен Саддам Хусейн.

Наше правительство внимательно отслеживает эти опасности. В момент, когда мы готовимся одержать победу в Ираке, мы принимаем дальнейшие меры по защите нашей родины.

В последние дни американские власти выслали из страны некоторых людей, имеющих связи с иракскими разведывательными службами.

В числе других мер я распорядился об усилении режима безопасности в наших аэропортах и об увеличении патрулей Службы береговой охраны США в крупных морских портах. Управление внутренней безопасности (Department of Homeland Security) работает в тесном контакте с теми, кто управляет страной, чтобы укрепить охрану и оборону критически важных объектов по всей Америке.

В случае, если враги нанесут удар по нашей стране, они попытаются отвлечь наше внимание, сея панику и ослабляя наш моральный дух с помощью страха. Это им не удастся. Никакой их акт не сможет поколебать решимость этой страны. Мы являемся миролюбивым народом, но мы не слабый народ. И нас не сумеют запугать разбойники и убийцы.

Если наши враги осмелятся на нас напасть, они и все, кто им помогает, получат по заслугам.

Мы сегодня действуем потому, что риск бездействия был бы куда большим. Через год или через 5 лет возможности Ирака по причинению вреда свободным странам выросли бы многократно. С такими возможностями Саддам Хусейн и его террористические союзники смогли бы выбрать такой момент для смертельного конфликта, когда они будут обладать максимальной мощностью. Мы предпочитаем справиться с этой угрозой сейчас и там, где она возникла, прежде чем она сможет внезапно появиться в наших небесах и городах.

Борьба за мир требует от всех свободных стран признавать новые и непреложные реалии. В 20-м столетии некоторые предпочитали

умиротворять кровожадных диктаторов, угрозам от которых было позволено вырасти в геноцид и в глобальную войну.

В этом столетии, когда злодеи планируют химический, биологический или ядерный террор, политика умиротворения могла бы привести к таким разрушительным последствиям, каких никогда прежде не видели на этой земле. Террористы и террористические государства не озвучивают эти угрозы в честных официальных заявлениях. А попытки бороться с такими врагами уже после того, как они первыми напали на нас, не являются самообороной. Это самоубийство. Безопасность в мире требует разоружения Саддама Хусейна сейчас.

Принуждая (Ирак) к выполнению справедливых требований всего мира, мы также будем чтить и самые важные обязательства нашей страны.

В отличие от Саддама Хусейна, мы верим, что иракский народ заслуживает и способен жить в условиях свободы личности, и когда диктатора не станет, иракцы смогут показать всему Ближнему Востоку пример активной и миролюбивой страны, способной к самоуправлению.

Соединенные Штаты с другими странами будут продвигать дело свободы и мира в этом регионе. Наша цель не будет достигнута скоро, но со временем это случится. Сила и притягательность свободы личности ощущается во всех обществах на любой земле, а великая сила свободы позволит преодолеть ненависть и насилие и обратить творческие таланты мужчин и женщин на пользу дела мира. Вот такое будущее мы выбираем.

У свободных наций имеется обязанность защищать наш народ, объединяясь против насилия, и сегодня вечером, как мы это делали и раньше, Америка и наши союзники готовы выполнить эту обязанность.

Спокойной ночи, и да благословит Господь Америку.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Выступление президента Обамы о причинах важности проблемы Сирии

Дорогие соотечественники, сегодня я хочу поговорить о Сирии – о том, почему эта проблема столь важна, и что нам следует делать дальше.

За последние два года мирные демонстрации протеста против репрессивного режима Башара Асада переросли в жестокую гражданскую войну. Было убито более 100 тысяч человек. Миллионы людей бежали из страны. Тем временем Америка вместе с союзниками оказывала населению гуманитарную помощь, поддерживала умеренную оппозицию и пыталась способствовать политическому урегулированию. Однако я противился призывам к военной акции, поскольку мы не можем найти силовой выход из гражданской войны в другой стране, особенно на фоне продолжавшихся целое десятилетие войн в Ираке и Афганистане.

Однако ситуация коренным образом изменилась 21 августа, когда правительство Асада насмерть задушило газом более тысячи людей, в том числе сотни детей. Страшно вспомнить картины тех массовых зверств: уложенные рядами трупы мужчин, женщин, детей, погибших от газа. Пострадавшие, с пеной изо рта, задыхающиеся. Отец, прижимающий к телу своих мертвых детей, умоляя их встать и идти. В ту страшную ночь мир в ужасающих подробностях познакомился с чудовищным действием химического оружия и понял, почему человечество подавляющим большинством ввело запрет на его применение, объявив его преступлением против человечества и нарушением правил ведения войны.

Так было не всегда. В Первую мировую войну среди многих тысяч погибших от смертоносного газа в окопах Европы были и американские солдаты. Во Вторую мировую войну, в ужасные годы Холокоста, нацисты травили людей газом. И потому, что этот вид оружия убивает людей массами, не различая солдата и младенца, цивилизованный мир в течение целого столетия пытался запретить его. И в 1997 году Сенат Соединенных

Штатов подавляющим большинством голосов присоединился к международной договоренности, запрещающей применение химического оружия, к которой на сегодня подключилось 189 правительств, представляющих 98 процентов человечества.

Двадцать первого августа эти базовые договоренности оказались опрокинутыми, вместе с общепринятыми представлениями о человечности. Никто не отрицает того факта, что в Сирии имело место применение химического оружия. Жители планеты видели тысячи видеозаписей, кадров, снятых мобильными телефонами, сообщений в социальных сетях о нападении, а гуманитарные организации рассказали о больницах, переполненных людьми с симптомами отравления ядовитым газом.

Более того, нам известно, что ответственность за это несет режим Асада. Мы знаем, что в дни, предшествовавшие атаке 21 августа, химические подразделения Асада готовили к применению газ зарин вблизи района нападения. Они раздали своим солдатам противогазы. Затем из зоны, контролируемой режимом, они обстреляли ракетами одиннадцать районов, из которых режим пытался выбить силы оппозиции. После того, как ракеты разорвались на земле, газ начал распространяться, и больницы заполнились умирающими и ранеными. Мы знаем, что высшие чины военной машины Асада ознакомились с результатами атаки, и в последующие дни режим усилил обстрел тех же районов. Мы также исследовали пробы крови и волос, взятые у людей на местности, и в них был обнаружен зарин.

Когда диктаторы совершают свои зверства, они надеются, что мир будет смотреть в другую сторону, а ужасающие картины сгладятся в памяти. Но все это произошло. Отрицать факты невозможно. Сейчас вопрос стоит о том, что готовы делать Соединенные Штаты Америки и международное сообщество. Ибо то, что произошло с этими людьми, с этими детьми, – это не просто нарушение международных законов, это также угроза нашей безопасности.

И вот почему. Если мы не начнем действовать, режим Асада будет применять и дальше химическое оружие. Нарушения запрета на химическое оружие придадут храбрости и другим тиранам, которые тоже будут приобретать и пускать в ход химическое оружие. Со временем наши солдаты столкнутся с угрозой химических атак на поле боя. Террористическим организациям станет легче получать такое оружие и использовать его против мирного населения.

Если боевые действия выплеснутся за пределы Сирии, химическое оружие будет грозить нашим союзникам – Турции, Иордании, Израилю. И если мы не поддержим запрет на химическое оружие, будут расшатываться запреты на другие виды оружия массового уничтожения. Может набраться храбрости союзник Сирии – Иран, которому предстоит сделать выбор: либо пренебречь международными законами и создать ядерное оружие, либо вступить на более мирный путь.

Мы не согласны жить в таком мире. Вопрос обстоит именно так. И поэтому, тщательно изучив вопрос, я решил, что интересы национальной безопасности Соединенных Штатов требуют от нас ответить на химическую атаку режима Асада целенаправленным военным ударом. Цель такого удара – заставить Асада отказаться от применения химического оружия, лишить его возможности применять химическое оружие и дать ясно понять всему миру, что мы не потерпим его применения.

Таково мое решение как верховного главнокомандующего. Но в то же время я являюсь президентом старейшей в мире конституционной демократии. Так что, хотя я и располагаю полномочиями отдать приказ о нанесении военного удара, я решил, учитывая отсутствие прямой и непосредственной угрозы нашей безопасности, вынести этот вопрос на обсуждение Конгресса. Я считаю, что наша демократия становится сильнее, когда президент действует при поддержке Конгресса. И я считаю, что

Америка добивается большего за рубежом, когда мы занимаем единую позицию.

Это особенно верно после того, как на протяжении десяти лет президентам приходилось все чаще принимать решения о военных действиях, а на плечи наших солдат ложилось все более тяжелое бремя, – а тем временем избранники народа отстранялись от принятия критических решений, когда речь шла о применении силы.

Да, я сознаю, что после тяжелых потерь в Ираке и Афганистане мысль о военной акции, пусть даже узко ограниченной, не может быть привлекательной. В конце концов, я четыре с половиной года работал над тем, как прекратить войны, а не начинать их. Наши солдаты ушли из Ирака. Наши солдаты уходят из Афганистана. И я знаю, что американцы ждут от нас, кто служит в Вашингтоне, и от меня в первую очередь, что мы будем заботиться о внутренних делах нашей страны: о рабочих местах, о школах для детей, о поддержке среднего класса.

Поэтому меня не удивляет, что вы задаете мне нелегкие вопросы. И хочу ответить на самые важные вопросы, с которыми обращаются ко мне члены Конгресса и которые вы задаете в письмах ко мне.

Во-первых, многие из вас спрашивают: не вступим ли мы таким образом на скользкую тропу сползания к очередной войне? Один мужчина написал мне, что мы «еще не успели оправиться от кампании в Ираке». А другой – ветеран войны – выразился еще более резко: «Нашу страну просто тошнит от войны».

Мой ответ будет прост: я не пошлю американских солдат воевать на сирийской земле. Я не развяжу бессрочную кампанию, как в Ираке или Афганистане. Я не стану вести затяжную авиационную кампанию, как в Ливии или Косово. Это будет узконаправленный удар с конкретной целью: заставить прекратить применение химического оружия и уменьшить военную мощь Асада. Спрашивают меня и о том, зачем вообще начинать

кампанию, если не ставить целью смещение Асада. А некоторые члены Конгресса замечают, что «булавочными уколами» ничего в Сирии добиться не удастся.

Позвольте мне кое-что прояснить: вооруженные силы США не наносят булавоочных уколов. Даже ограниченный удар способен произвести такое впечатление на Асада, какое не оставит никакая другая страна. Я не думаю, что мы должны свергать очередного диктатора силовыми методами: мы узнали на примере Ирака, что действия такого рода делают нас ответственными за последствия. Однако целенаправленный удар способен заставить Асада, или любого другого диктатора, подумать дважды, прежде чем применять химическое оружие.

Может встать также вопрос об опасности реванша. Мы не игнорируем никаких угроз, но у режима Асада нет возможности для серьезной угрозы нашим вооруженным силам. Другие же способы мести не превышают уровня опасности, с которым мы сталкиваемся каждый день. Ни Асад, ни его союзники не заинтересованы в эскалации, которая приведет к его гибели. А наш союзник Израиль способен мощно защитить себя, пользуясь при этом непоколебимой поддержкой Соединенных Штатов Америки.

Многие из вас задают более общий вопрос: почему мы должны вмешиваться в дела региона, который и так чреват осложнениями и где – как один человек написал мне – «те, кто придут после Асада, могут оказаться врагами прав человека»?

Это правда, что некоторые из противников Асада являются экстремистами. Однако «Аль-Каида» в Сирии лишь окрепнет, если там воцарится хаос, если люди в стране увидят, что мир ничего не делает для того, чтобы мирных граждан перестали травить газом. Большинство сирийского народа – и сирийской оппозиции, с которой мы работаем – просто желают достойно и свободно жить в условиях мира. И на следующий день после любых военных действий мы удвоим наши усилия, чтобы достичь

политического решения в поддержку тех, кто отвергает силы тирании и экстремизма.

Наконец, многие из вас спрашивают: почему бы не предоставить действовать другим странам, или почему бы не поискать несилового решения? Как написали мне несколько человек: «Мы не должны быть мировым жандармом».

Я согласен, и искренне предпочитаю мирные решения. За последние два года моя администрация применяла и дипломатию, и санкции, и предупреждения, и переговоры – но режим Асада тем не менее пустил в ход химическое оружие.

Однако в последние дни мы видим кое-какие обнадеживающие признаки. Отчасти из-за реальной угрозы военных действий со стороны США, а также в результате конструктивных переговоров, которые я провел с президентом Путиным, правительство России заявило о своей готовности вместе с международным сообществом оказать давление на Асада, чтобы заставить его отказаться от химического оружия. Режим Асада уже признался, что у него есть это оружие, и даже объявил, что присоединится к Конвенции о запрещении химического оружия.

Пока слишком рано говорить об успехе данного предложения, и при любом соглашении необходимо будет проконтролировать, что режим Асада выполняет свои обязательства. Однако эта инициатива открывает путь к устранению угрозы химического оружия без применения силы, отчасти потому, что Россия является одним из сильнейших союзников Асада.

Ввиду вышесказанного я попросил лидеров Конгресса отложить голосование по санкционированию применения силы, пока мы изучаем возможности дипломатического решения. В четверг я направлю госсекретаря Джон Керри на встречу с его российским коллегой, а сам продолжу переговоры с президентом Путиным. Я общался с лидерами двух наших ближайших союзников Франции и Великобритании, и мы будем вести

совместную работу, консультируясь с Россией и Китаем, чтобы внести в Совет Безопасности ООН резолюцию с требованием к Асаду отказаться от своего химического оружия и в конечном счете уничтожить его под международным контролем. Мы также предоставим инспекторам ООН возможность обнародовать выводы о том, что произошло 21 августа. И мы продолжим искать поддержку союзников от Европы до Америки, от Азии и до Ближнего Востока – всех, кто согласен с необходимостью действий.

Между тем я отдал приказ нашим вооруженным силам поддерживать боеготовность, чтобы продолжать оказывать давление на Асада и быть в состоянии выступить, если дипломатия не сработает. И сейчас я хочу еще раз поблагодарить наших военных и их семьи за их невероятную стойкость и жертвенность.

Мои дорогие соотечественники, уже почти семь десятилетий Соединенные Штаты являются гарантом глобальной безопасности. Для этого нам приходилось не только продвигать международные соглашения – нам приходилось обеспечивать их исполнение. Бремя лидерства часто тяжело, но мир стал лучше благодаря тому, что мы несем это бремя.

А моих друзей из числа правых я прошу примирить вашу приверженность военной мощи Америки с отказом действовать, когда дело настолько ясно. Моих друзей из числа левых я прошу примирить вашу веру в свободу и достоинство для всех людей со страшными кадрами, показывающими, как дети, корчась от боли, умирают на холодном больничном полу. Дело в том, что иногда резолюций и осуждающих высказываний бывает просто недостаточно.

Я хотел бы, чтобы каждый член Конгресса, и вы, кто смотрит сейчас телевизор, еще раз просмотрели видеозаписи атаки, а затем спросили себя: в каком мире мы будем жить, если Соединенные Штаты Америки видят, как диктатор нагло нарушает международное право, применяя ядовитый газ, а мы не обращаем внимания?

Франклин Рузвельт однажды сказал: «Наша национальная решимость держаться подальше от зарубежных войн и зарубежных столкновений не освобождает нас от чувства глубокого беспокойства, когда брошен вызов нашим идеалам и принципам, которые мы лелеем». Наши идеалы и принципы, а также наша национальная безопасность поставлены на кону в Сирии, наряду с нашим лидерством в мире, где мы стремимся к тому, чтобы самое страшное оружие никогда не использовалось.

Америка не является мировым жандармом. Ужасные вещи происходят на всем земном шаре, и у нас нет возможности все исправить. Однако, если при помощи определенных усилий и риска мы сможем сделать так, чтобы дети больше не умирали от отравления газом, и тем самым создать в итоге более безопасные условия нашим собственным детям, я считаю, что мы обязаны действовать. Это то, чем отличается Америка. Это то, что делает нас особенными. Давайте же сдержанно, но решительно всегда помнить эту истину.

Благодарю вас. Благослови вас Бог. И благослови Бог Соединенные Штаты Америки.